

ИННА ТРОНИНА

ЛУНАТИКИ

Инна Трoнина

Лунатики

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Трoнина И.

Лунатики / И. Трoнина — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Несколько человек, проживающих в разных городах России, посреди ночи безжалостно убивают своих самых близких людей. Наутро каждого из них ждёт ужасное открытие – это был не кошмарный сон. Следователь Евгений Квинт начинает работу по «делу лунатиков». Через некоторое время он сам становится жертвой собственного отца. Старику, как и прочие убийцам, незадолго до этого снимали эхоэнцефалограмму. Евгений Квинт успел рассказать о необычном деле своему другу – полковнику милиции Антону Ронину. Когда случилась трагедия, Ронин поклялся закончить расследование и рассчитаться с убийцами. В то, что добропорядочный пенсионер убил сына без постороннего вмешательства, полковник не верил. От петербургского РУБОПа к Ронину был прикомандирован Всеволод Грачёв. Но накануне встречи он был ранен. Чтобы не останавливать расследование, Всеволод попросил своего друга и бывшего коллегу Андрея Озирского взяться вместе с полковником Рониным за «дело лунатиков». Но, встретив московского гостя в аэропорту, Озирский понял – ему предстоит работать бок о бок со своим смертельным врагом...

© Трoнина И.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Инна Трoнина

ЛУНАТИКИ

Часть первая

Глава 1

Серёжа спал на мансарде, Вера Фёдоровна – внизу. Её комната помешалась в небольшом уютном флигеле двухэтажной дачи. Но бабушке всё равно казалось, что она слышит каждый вздох своего внука. Дом, где они жили вдвоём, стоял на двадцати сотках, неподалёку от автомобильной кольцевой дороги.

Ясное звёздное небо виднелось сквозь зазеленевшие недавно ветви яблонь и вишен. Полная луна смущённо заглядывала в незашторенное окно. Вера Фёдоровна Гусева не любила излишеств. Лучшим украшением для резного домика она считала подмосковную природу, цветущие деревья, звёзды и луну. Да ещё воздух – сухой, душистый.

Она расслабленно, спокойно лежала под одеялом – в ночной сорочке-ришелье, скрестив руки на впалом животе. И расслабленно думала о том, что сейчас, при лунном свете, у Серёжи в спальне очень красиво. На его постель будто бы падают сплошные стёкла окон мансарды. А сама спальня наполнена ароматами, смешанными с запахом просохшей огородной земли.

Вера Фёдоровна беспокоится села, откинула одеяло, вытянула шею. Слава Богу, окно в башенке, под черепичной крышей, не светится. Серёженька, значит, заснул. А то бывает так, что внук не ложится до утра. Пачками курит «Мальборо», пьёт кофе. А сквозняк разносит запахи по всему дому. И ночь становится южной, пряной – будто на Кавказе. Там Вера в молодости очень любила отдыхать.

Теперь, конечно, о таком и думать нечего. Там война, да и здоровье подкачало. Ей уже семьдесят лет. Высокое кровяное давление, прочие хвори – как положено. А тут ещё неприятность – под машину попала. Пикапчик четвёртой модели сбил Веру Фёдоровну, когда уже тормозил. Скорость была невысокая, но всё равно – упала, ударилась головой. Когда погода меняется, начинают мучить боли.

Случилось всё в центре – на углу Нового Арбата и Суворовского бульвара. Там вообще переход противный. Машины идут сплошным потоком, одна за другой выскакивая из горловины узкой улочки. Серёжа тогда был за границей, не мог подвезти бабушку. А ей понадобилось непременно быть на юбилее подруги. Та как раз на Суворовском и жила.

Конечно, можно было вызвать и такси, и водителя из фирмы внука. Но Вера Фёдоровна постеснялась затруднять людей по пустякам. В результате, им пришлось с ней повозиться, как следует. Месяца два Сергей только и делал, что катал бабушку по врачам, пробовал устроить в «Кремлёвку». Но с этим ничего не вышло, конечно. Внуку через губу отказали – вроде как просил «не по чину».

Вот и сегодня опять ездили на эхоэнцефалоскопию. Врачи боялись осложнений после сотрясения мозга. И Серёжа нервничал – не мог себе места найти. Только когда доктор сказал, что с бабулей всё в порядке, расслабился и сумел заснуть. А вечером ещё раз строго-настрого наказал Вере Фёдоровне самостоятельно в город не ездить. Если сам будет свободен – отвезёт. Если нет – имеется водитель.

Двадцать два года внуку, мальчишка совсем, а столько работает! Тащит на себе непосильную ношу. Да и опасно всё это, видно же. Лица на мальчишке нет. А куда денешься? Никто

не поможет – надо деньги зарабатывать. Бабуля здоровее не становится – на врачей нужны средства. А ведь и жениться когда-то надо. Не одной карьерой жив человек...

Вера Фёдоровна снова улеглась, повернулась на бок, подсунула ладонь под щеку. Закрыла глаза и, как всегда в таких случаях, попыталась подсчитать слонов или верблюдов. Снотворное Гусева давно не пила. Врач отсоветовал – боялся привыкания к препаратам.

Но, вместо верблюдов, идущих караваном по пустыне, старушке виделся внук. Он спит там, на огромной тахте, тихонько посапывая. Совсем ещё мальчишка – с пухлыми губами, насупленный, как в раннем детстве. Тогда он и оказался на попечении бабушки по отцу – пятидесятилетней Веры Фёдоровны Гусевой, главного бухгалтера одного из солидных московских предприятий.

Два года Гусева перебивалась, подсовывая малыша то няням, то знакомым и подружкам. А в пятьдесят пять рассталась с хлопотной ответственной должностью, и всецело посвятила себя воспитанию мальчика. И вот Серёженька вырос, возмужал, крепко встал на ноги и взял на себя заботы о бабушке. Причём не держит её на положении приживалки, старательно высчитывая деньки до кончины, а любит, заботится. Считается с бабушкой, спрашивая её совета буквально по каждому вопросу, связанному с затруднениями в личной жизни.

Согласившись с мнением Веры Фёдоровны, Сергей сейчас работал на будущее. А, чтобы не страдать от воздержания, приглашал девушек по телефону. Делал он это, разумеется, не при бабушке. Но та обо всём догадывалась и тихонько улыбалась. Убеждала себя, что мужчина иначе не может. Лишь бы девицы ничего ценного не утащили, а в остальном – пусть развлекаются.

Не ей Серёжу учить. Он сам знает цену вещам и деньгам. И, главное, за здоровьем своим следит. Чистенький мальчик – никакой заразы в дом не принесёт. И в детстве таким был. Матери других мальчишек от зависти стонали. За их отпрысками потом всю ночь стирать приходилось, как со двора придут. А Серёженька и капли на рубашку не уронит. Если что запачкает, сам тут же и вычистит, застирает.

Знал, как трудно бабушке растить его после развода родителей. Они создали новые семьи, а сына, ставшего обузой, отдали ей. Вера давно вдовела, и потому не обязана была ни с кем считаться. Серёжин дед умер от рака лёгких, едва отпраздновав серебряную свадьбу. Тогда им было по сорок пять.

Засыпая, пожилая женщина подумала – уже в который раз – что сумела отречься от самой себя, от личной жизни. Вложила всю душу в воспитание внука, любила его до самозабвения. Сергей пошёл не в отца. Он умел ценить любовь, быть благодарным. А вот Алик – нет. Женился, на ком попало, а потом ещё и мать во всем обвинил. Почему, мол, не отсоветовала, не остановила? Будто у него своей головы не было. Кстати, Вера Фёдоровна тогда возразила. Но у сына в одно ухо влетело, а в другое – вылетело.

Зная про эти беды, внук обещал без бабушкиного одобрения не жениться. Кстати, Вера Фёдоровна совершенно не хотела осложнять ему жизнь. Она дала внуку полную свободу в выборе супруги. Пусть женится, на ком хочет – был бы счастлив!

Здесь, на даче, в двадцати километрах к юго-западу от Москвы, Гусева жила опять-таки по совету докторов. После травмы полугодовой давности беспокоило сердце. Пять лет назад перенесла инфаркт. Дышать зачумлённым московским воздухом категорически не могла. Частенько приходилось коротать здесь вечера одной. Разумеется, под охраной. Но внука в этом не винила – заели дела.

По выходным Сергей навещался к бабушке. И в будни, когда был свободен, сразу спешил на дачу. Боялся, что старушка почувствует себя заброшенной, никому не нужной. Сегодня они приехали из Москвы вместе – с шофёром и двумя охранниками.

Вера Фёдоровна, кряхтя, перевернулась на другой бок. Обязательно надо заснуть, чтобы восстановить силы. Серёжа весь день катал бабушку на «Вольво» по врачам. В конце концов,

выяснилось, что всё нормально. Травма головного мозга существенных изменений не вызвала. А ведь в таком возрасте могло быть и хуже. Не зря поработал Дима – Серёжин водитель. Теперь можно спать спокойно.

Кажется, аутотренинг подействовал. Постель мягко закачалась под старушкой. Из приоткрытой форточки пахнуло весенней ночью. Вера всегда любила май. Замуж вышла в этом месяце, и ровно через год сына родила – Алика, Александра. Сколько радости-то было! Ведь никто ещё не знал, как сложатся их отношения. Смолоду всегда кажется, что море по колено...

Вчера они вернулись на дачу около одиннадцати вечера. Луна как раз выплыла из-за дальнего леса. Расцветающие сады источали божественные запахи. Нагретая солнцем земля ласкала ноги. Скинув туфли, Вера уселась под яблоньку – попить чайку. А вот Серёжа предпочитал кофе. Даже перед сном пил, а потом всю ночь разгуливал по кабинету, курил, не переставая.

Бабушка, конечно, пыталась помешать, но потом махнула рукой. Сергей очень упрямый – всё равно задымит и будет ходить туда-сюда. Но, как видно, сегодня внук изменил своим привычкам. Принял душ и лёг спать. Наверное, врачи его успокоили. Или слишком устал – несколько ночей только дремал вполглаза. И в это время начинал стонать, даже кричать. Приходилось будить его – не слушать же весь этот ужас!

Сегодня Вера Фёдоровна, вдоволь насидевшись в саду, тоже помылась и легла. Не поленилась и сменила бельё на постели. Так, наверное, будет лучше. Завтра она встанет отдохнувшая, бодрая, совершенно здоровая. Но ничего не вышло. В голове, как всегда, засели горькие думы. И не о себе, а о внуке. Сама Вера Фёдоровна уже ничего не боялась.

Сергей опасался за свою жизнь. И бабушка сама об этом догадалась – без его объяснений. Это уж совсем душой нужно быть, чтобы не понять. Внук поставил дело так, чтобы участок и двор усиленно охранялись. И в Москву они ездили под охраной. Ребята прятали автоматы под куртками, ждали нападения.

Вчера бабушка на объяснения не набивалась. Внук сам рассказал – решил облегчить душу. Может, это и помогло без проблем заснуть сегодня. Одному-то беду всегда нести тяжелее. Вера слушала молча, не перебивала. И только потом взяла голову внука в руки, поцеловала вихрастую макушку и разрыдалась. Она ощущала себя старой и больной. Не могла помочь самому любимому человеку справиться с невзгодами.

Да что она, бабка! Тут вон и телохранители двухметровые не могут гарантировать безопасность! А с неё какой спрос? Но охранники – люди чужие, наёмные, только за деньги работают. А бабушка должна своё будущее сердцем заслонить. Пусть даже свою жизнь отдаст, лишь бы Серёжку спасти. Надо, чтобы внук женился и продолжил род Гусевых. У Алика во втором браке две девочки растут. Тоже ведь родные внучки, а совсем не знакомые.

Бабушка их и видела-то раз-другой в жизни. А Серёжа ей роднее Алика – будто поздний долгожданный ребёнок. Сын-то, как говорится, последней куклой для Веры был. Родила его в двадцать один год – девчонкой, считай. А всю нежность сберегла для Серёжи. Поняла теперь, что поторопилась с замужеством и материнством. Но чего уж убиваться теперь? Жизнь не перепишешь набело...

Вера Фёдоровна прекрасно поняла, о чём говорил внук. Не зря входила в заводской управленческий аппарат. Не безграмотная старуха, которой и про дважды два не втолкуешь. Серёжа прямо заявил, что его обвиняют в организации убийства представителя фирмы, арендовавшей площадь у магазина. Тот принадлежал Серёжиной подруге Галине. Вот уж связался тоже – на пятнадцать лет баба старше!

Впрочем, теперь модно, чтобы жена мужу в матери годилась. Пошло поветрие от эстрадных звёзд. За нынешней модой и не угонишься. Когда-то соединяли свои судьбы ровесники –

как Вера с мужем. Потом молоденькие девушки торопились выскочить за стариков. А теперь наоборот – юнцы кольцуют почтенных матрон.

Правда. Серёжка-то с Галкой в ЗАГС пока не собирались, но неделями жили вместе. Когда внук сообщал бабушке о длительной командировке, та знала – к Галке поехал. Вот и допрыгался внучек драгоценный! Втянула Галка его в свои делишки, и придётся расхлёбывать кашу на пару.

Галина-то уже конец свой нашла. Так не хватало ещё, чтобы Серёжка свернул себе шею! Не для того растила, чтобы похоронить. Тогда уж лучше бы от детских болезней его не выхаживать, в больницу с аппендицитом не везти. Помнится, тогда на руках его до станции несла, в электричке держала на коленях. «Скорая»-то в деревню не ехала.

Умирать лучше маленьким – тогда не страшно. А сейчас внук может и сам на себя руки наложить. Он не выдерживает – видно ведь. Тошно ему, жутко в этой башенке. Помочь, помочь надо! А как? Что же делать?...

Конечно, надо было и Серёжке мозгами пораскинуть, не сходитья с Галкой. Жуликов-то сейчас много развелось. Нельзя верить каждому встречному-поперечному. Обязательно следует проверять личность того, с кем заключаешь сделку. А внук в то время был за границей, и поправить Галку не мог.

Фирма, въехавшая на часть площади Галкиного магазина, не выполняла условий договора. В частности, она не собиралась производить ремонт – а ведь это оговаривалось отдельным пунктом. Дело кончилось тем, что та сторона перестала вносить арендную плату. Разборка оказалась неминуемой.

Сначала дискутировали на уровне директрис магазина и фирмы. Потом – на уровне их любовников. Далее Гусев привёл с собой приятеля – бывшего «афганца». А хахаль фирмачки притащил низколобого детину, всего в татуировке – бандита местного значения. В перестрелки «афганец» показал себя со всех сторон – убил и любовника фирмачки, и бандита – наповал. Его арестовали вскоре – в квартире на улице Красной Сосны. И парень раскололся на первом же допросе – несмотря на то, что отлично стрелял.

Серёжка, на счастье, успел связаться с толковым адвокатом, в результате чего был отпущен под подписку о невыезде. Но он знал, что дело не кончено. Представители той фирмы попытаются до него добраться. Серёжка объяснил бабушке, в чём сложность. Ведь из-за подписки никуда не смыться. А если всё время сидеть на даче, то явятся «крутые» ребята – поговорить о жизни. И он боится лишь одного – что бабушка всё это увидит.

Вера Фёдоровна долго плакала, спрашивала, почему внучек пошёл на поводу у Галки, впутался не в свои дела. Он неохотно объяснил, что пришлось залезть к Галине в долг, жить её средства. Он скрывал от бабули, что в собственном бизнесе вышла промашка. Сергей Александрович Гусев до ранней весны числился начальником коммерческого отдела фирмы, к маю окончательно разорившейся. Их шеф сбежал, прихватив всю наличность. Он спасался от сотрудников отдела по борьбе с экономическими преступлениями одного из РУВД Центрального округа столицы.

Бабушку внук не посвятил в эти мутные дела по понятной причине. Не хватало ещё нового удара после несчастного случая на улице! Думал, что всё обойдётся, кривая вывезет, и бабушка ни о чём не узнает. Берёт её нервы до последнего, а вот теперь пришла пора объясниться начистоту. Чтобы, если дело кончится плохо, Вера Фёдоровна не ополоумела от неожиданного потрясения. Она должна встретить горе подготовленной.

Внук говорил, сидя на ковре, обхватив колени руками. Так часто бывало в его детстве, когда нужно было повиниться. Бабушке не оставалось ничего, кроме как гладить его по голове и молчать. А что она могла посоветовать внуку, раз ничего не смыслила ни в его личных делах, ни в нынешней сумасшедшей жизни?...

Их фирма принимала от граждан валюту, обещая через сорок пять дней после предоплаты поставить автомобили ВАЗ по ценам ниже розничных на тысячу долларов. И люди, как всегда, поверили – повалили в офис, записывались в вечера, несли дежурство ночью. Для того чтобы развеять сомнения в порядочности конторы, шеф устроил так, что первые клиенты машины получили.

А потом главный смазал пятки, не поставив в известность персонал. Через несколько дней их едва не растерзали вкладчики. Сергей, вместе с разъярённой толпой, на спешно нанятом туристическом автобусе отправился домой к шефу. Но, как оказалось, тот исчез из квартиры вместе с женой и собакой – аргентинским догом.

Гусев вплотную занялся выяснением происхождения собственной конторы и с удивлением узнал – фирма была зарегистрирована по фиктивному паспорту. Самое смешное и одновременно жуткое заключалось в другом. Вкладчиков и персонал «кинули» ещё раз, когда стали собирать деньги на частного детектива. Тот, якобы, был готов найти беглого гендиректора. Как и следовало ожидать, получив крупную сумму, доброты тоже свалили.

Не помоги Галка Коробейникова, тоже клиентка фирмы, Серёжка спятил бы. А так они, держась друг за друга, понемногу отошли, успокоились. И, чтобы отблагодарить спасительницу, Серёжка ввязался в её дела с магазином. Результат, как говорится, превзошёл все ожидания...

Вере Фёдоровне стало плохо с сердцем, когда внук сообщил трагическую весть. Два дня назад Галина Коробейникова была убита в подъезде своего дома – на Уржумской улице, в Свиблово. Киллер стрелял из пистолета с глушителем. Жильцы ничего не расслышали. Сергей думал только о том – связано ли это убийство с той историей, когда погибли два противника?

На всякий случай, Гусев усилил охрану – свою и бабушкину. Он постоянно думал о застреленном «братке». Мысль о том, что ему этого не простят, состарила и высушила в щепку недавно совсем здорового парня. Что же до бабушки, то у неё подскочило давление. Пришлось ездить по врачам, ежеминутно рискуя жизнью.

Когда возвращались вечером на дачу, внук почти не слушал бабкиных разговоров. Он смотрел из автомобиля на фонари, на молодую травку у обочин, на шершавый пыльный асфальт. Думал о себе, о Галке. Что же теперь будет? Ведь на ней не останутся. Рано или поздно придёт судный час самого Сергея.

Все средства, что были у него, бросил на охрану, надеясь спастись сейчас. В будущее старался не заглядывать. Ребята постоянно обследовали участок, сделали это и сегодня – прежде, чем внук и бабушка вышли из «Вольво». Оказавшись дома, Сергей немного успокоился. Вера Фёдоровна тайком перекрестилась. Хоть сегодня Бог уберёт, день прожит – и за то спасибо.

До завтрашнего утра можно не нервничать. Вряд ли бандиты полезут в охраняемый дом, стоящий на сигнализации. Забор опутан колючей проволокой под током. Спущены с цепи собаки самой злобной в мире породы – филабразелейро. Их вывели очень давно – для охоты за беглыми рабами. Днём они сидели в вольере, и лишь тогда и Вера Фёдоровна, и прислуга решались высунуть нос в сад. Бывалый кинолог радовался, если день обходился без эксцессов.

На собак, сигнализацию и дополнительных охранников Сергей истратил бешеную сумму в долларах. Но всё равно в безопасности себя не чувствовал, хоть и пытался успокоить бабушку. Тревогу от любящей женщины скрыть невозможно. В последние дни Вера Фёдоровна часто плакала. Да, сегодня стало легче. Но завтра опять нужно ехать в город, а там никакие злощие псы не спасут. Знать бы, что так кончится, трупом легла бы на Серёжином карьерном пути...

Внук оказался между молотом и наковальней. С одной стороны – милиция, с другой – бандиты, которые могут простить ему смерть друга. Сергей с детства привык решать про-

блемы по мере их возникновения. И лишь сейчас научился ценить каждый прожитый день, понимая, что завтрашнего может уже и не быть.

Сергей признался бабушке, что при виде восходов и закатов у него щемит сердце. Кажется, что раньше он глотал куски жизни, не разжёвывая. А вот сейчас принялся смаковать каждую минуту, отпущенную ему, как голодный – корку хлеба. И нынешний вечер внук провожал взглядом, наблюдая за мигающими в небе звёздами из окна своей башенки.

Нет, не трус он, и армию отслужил, но жалко бабушку. Вера Фёдоровна знает об этом. Но, в свою очередь, не представляет, что Серёжа действительно может погибнуть. По молодости, по глупости связался с бандитами. И того-то мужика, блатного, не лично убивал. За что так карать, Господи? Неужели не дашь пареньку времени на вразумление?...

Гусева рывком уселась в постели, нашла взглядом иконы, перекрестилась, сморгнула слезу. Внучек ничего не утаил от неё. Говорил, как с лучшим другом, от которого нет секретов. Объяснял значения тех слов, что старушка не понимала. У молодых нынче другой язык – не русский, привычный. Свой придумали, чтобы других не стесняться. Хоть словарь заводи – вылетает из головы вся эта шелуха. «Братва» какая-то, «крутые», «менты», «дура», «тачка»...

Или, к примеру, не знала Вера Фёдоровна, что такое «клюквенник». Думала – тот, который клюкву без спросу собирает в лесу. А Серёжа рассмеялся: «Нет, бабуль! Это – вор, который церкви чистит!» Вот тебе и на! Растила внука для лучшей жизни, а получилось всё наоборот. Он преподаёт бабушке азы тюремного жаргона. Вот она молится сейчас на иконы. И такие же образа воруют «клюквенники». Значит, не справиться с ними Господу Богу, тогда чего же у Него за внука просить? Ведь не разверзаются небеса, не поражают молнии этих «клюквенников»!

Паразиты такие, берут прекрасные слова и опошляют их, будто зад ими подтирают! Всю жизнь при слове «балерина» у Веры Фёдоровны стискивало дыхание от восторга. Веяло запахом духов и кулис, звучала в душе музыка. А воры «балериной» называют обыкновенную отмычку.

Эх, Серёжа, да как же так? Неужели без «блатных» сейчас не пробить себе дорогу? Ты – сирота при живых родителях, а бабушка ничем тебе помочь не может. Только любит, бесконечно любит. И не за деньги, не за родство. Просто за то, что ты есть...

Вот какая беда! Знать бы Серёже, что человек из банды на той стороне, не стал бы обострять отношения. Ведь от милиции проще отвязаться, «отмазаться», как внук говорит. А вот от этих забубенных... До сих пор Серёжка считал себя успешным, предприимчивым. На двадцать третьем году жизни сделал неплохую карьеру. Бабушка не ждала от него такого взлёта. Школу ведь окончил на одни тройки.

А потом Вера Фёдоровна расправила спину, вздёрнула подбородок, загордилась. Привалила внуку удача! Порадоваться бы немного за него, а там и помирать можно. А тут – заморочки с магазином Галины Коробейниковой... Год Свины и подложил им свинью. Надо было бы ждать, да не хотелось верить.

Гусева легла в постель и неожиданно крепко уснула. Наверное, молитва помогла – сняла с души тяжкий груз дум о несчастьях внука. Пальцы разжались, руки упали вдоль туловища. Растрёпанная седая голова склонилась к плечу. Грудь уже не трепетала; она поднималась и опускалась ровно, бесшумно.

Да, нужно было лечь в больницу, провести там все процедуры. Но Вера Фёдоровна боялась оставить Серёжку одного. Ей казалось, что она оберегает внука одним своим присутствием. И Сергей не настаивал на госпитализации старушки. Обещал и дальше возить её по врачам. И не выражал никакого недовольства. Надо – значит надо. Здоровье бабули всего дороже.

Эхоэнцефалоскопию нужно будет сделать ещё раз. Может, и два – для профилактики. Но это потом, ближе к осени, когда начнёт резко меняться погода. А сейчас как бы не заболеть!

Того и гляди пойдёт стрельба – если не на даче, то в городе. Каждый шорох пугает, разгоняет лёгкую дымку сна. Гусева судорожно зевнула, перевернулась на другой бок. Вроде, тихо. Пока тихо...

И всё-таки после уколов полегчало. Не грохотала в висках кровь, не пересыхало по рту. Постель казалась мягкой, подушка – удобной. Как бы помочь Сергуньке? Но поддержать парня можно лишь советом, да ещё всепоглощающей любовью. Как хочется развести руками его боль, залечить душевные раны!..

Вера Фёдоровна всё глубже погружалась в пучину тёмного горячего сна, и уже не ощущала себя. А потом вдруг поняла, что сидит на краешке сбитой постели. И понимает, что в спальне своей находится не одна. Вот – кровать, ореховая тумбочка, тройное зеркало, шкаф. Лунные блики на стенах, окно, распахнутое в ночной сад.

Гусева отвела волосы от глаз, потёрла сухой ладонью морщинистый лоб. И вдруг оторопела, заметив ещё одну женщину – пожилую, худенькую. Одета гостья была тоже в ночнушку «ришелье». Только что небо было ясным, а теперь спальня наполнилась туманом. Вера не различала на противоположной стене большого фотопортрета мужа. И лиц сына с невесткой на другой фотографии тоже не могла разобрать.

И некогда было приглядываться к снимкам. Все внимание Веры сосредоточилось на старушке. Та, перебирая маленькими босыми ножками, скользила по воздуху над пёстрым ковром. Хозяйка застыла в недоумении. Как люда попала чужая женщина? Ведь во дворе – кошмарные псы, и охрана тоже. К тому же, незнакомка бросит по чужому дому в нижнем белье, без обуви, не причёсанная.

Гусева встала, шагнула к старушке. И замерла, узнав в ней себя. Странно, что не догадалась раньше. Ведь в зеркало, несмотря на возраст, она смотрелась довольно часто. Наверное, так могла выглядеть её сестра-двойник. Но сестры не было. Вера Печорина была одна у родителей. А, значит, её точной копии в природе не существовало.

А, раз так, эта дама специально загримирована. И ходит здесь неспроста. Хочет добраться до Серёжиной спальни, проникнуть туда и убить внука. Надо пойти следом и помешать ей. Вера одной комплекции с убийцей. Но она набросилась бы на любого громилу, даже зная, что непременно погибнет. С психикой у неё всегда всё было в порядке. Никаких галлюцинаций, никакого раздвоения личности! Между Верой и двойником расстояние примерно два метра. Вот, та дама поворачивается спиной, идёт к двери. А луна светит ей в седой затылок. Среди жидких прядей явственно просвечивает плешка...

Вера Фёдоровна узнала собственный затылок. Видела его в парикмахерской, в зеркало, когда делала укладку. Сейчас она была совершенно спокойна. Двигалась следом за собой, вернее, за своим отражением в первозданной тишине. И наверняка знала, что всё это ей снится. И как раньше не догадалась? Надо бы остановиться, куснуть себя за палец. Но нельзя терять ни секунды. Почему-то не открывается рот, и никак не подать голос. Тапочки остались у постели, под уголком повисшей простыни.

Теперь они обе идут босиком, в сорочках-ришелье – нечёсанные, старые и жалкие. А один халатик в сиреневую розу лежит на ковре. Надеть бы его, но почему-то не дотянуться. Ткань проходит через её пальцы. Вот интересный сон! Надо будет внуку рассказать. Нет, лучше приятельницам. Потрясающе – никогда ведь не была лунатиком. Неужели только сейчас стала – от волнения из-за внука?...

Как занимательно плыть по воздуху, зная, что на самом деле лежишь в постели, на лечебной подушке «Контур». Потому так приятно расслаблено тело, не болит шея, не ноет затылок, не тоскуют суставы. Может быть, от того лекарства, что вкололи сегодня в частной дорогой клинике, и снятся такие сны?

Гусева наблюдала за собой со стороны и шла на кухню, на первый этаж. Она спускалась по лестнице, словно привязанная невидимой нитью к белой фигурке. Даже если бы и захотела остаться одна в спальне, не могла бы не последовать за ней. Кухня, в цветном кафеле, набитая итальянской техникой, была царством бабули Веры.

Опасаясь за жизнь внука, она никогда не допускала туда чужих кухарок, даже без уборщицы обходилась. А если плохо себя чувствовала и не могла справиться в одиночку, вызывала помощницу. Но никогда не оставляла её одну – так и сидела на табуретке, не спуская глаз. Кто знает этих проходящих? Вдруг микрофон установит для прослушивания? Или потом мойка взорвётся, как у Серёжиного приятеля? Может и яд подсыпать, особенно сейчас...

И вот они обе в темноте. Луна не светит, и небо за окном пасмурное. А ведь только что прыгали в вышине звёздочки – так казалось Вере. Но у крыльца горел фонарь, и свет проникал сквозь чугунные решётки. Блики заиграли на лезвиях кухонных ножей. Этот набор подарил ещё покойный муж. Вера каждый день оттачивала их, пробуя лезвия на ногте. Шесть ножей в гнездах деревянной подставки – от самого маленького до огромного, с лезвием в тридцать сантиметров. Большим шеф-ножом Вера шинковала капусту. Он был тяжёлый, очень удобный для таких операций.

Интересно, к чему снятся ножи? Кажется, к ссоре. Надо проснуться, шире раскрыть глаза. Нет, никак! Много снотворного вкололи. Сама врачу жаловалась, что не может забыться ночью. И вот теперь, от беспрестанного волнения, мерещатся разные кошмары.

Старушка-двойник, в рубашке до пола, юркнула к дубовому столу, где и стояли ножи. Только эту вещь Вера не позволила внуку выбросить, заменить итальянской пластмассой. Именно около стола, в фартуке и косынке, она чувствовала себя уверенно; и не давили на плечи годы. Но сейчас Вера наблюдала за своим двойником как будто из укрытия. Она не представляла, зачем старушонке потребовался шеф-нож.

Неведомая и такая похожая незнакомка выхватила шеф-нож из гнезда, крепко сжала его потемневшую от времени деревянную ручку. На цыпочках побежала к двери, в тёмный подвал, похожий на чей-то беззубый рот. Всё верно, Гусева перед сном вынула протезы. Теперь у неё такой же рот, как и у этой бабки.

«Куда же она?» – растерялась Вера Фёдоровна.

Но неведомая сила властно влекла её за белой фигурой. Кто-то словно толкнул Веру в спину, и тут же заныло сердце.

«То есть, куда это я?... Ведь это – моё отражение, сошедшее с поверхности зеркала...»

Интересный сон, только проанализировать его некому. Стыдно внука просить отвезти к приятельницам или к психоаналитику. Жаль, что дочери нет – только сын. И тот свою мать сто лет не видел. Может, с внучками поближе познакомиться? Им бы, наверное, интересно было, как бабушка сама за собой бегала ночью...

Дачный домик снился Гусевой со всеми подробностями. До складочки на ковровой дорожке, до шляпки гвоздя в стене. И всё-таки это было нереальные, жутковатые образы. Во сне нет места логике, и человек совершает то, чего наяву никогда бы не сделал.

Белая старушка с ножом в руке стала подниматься на второй этаж. Порхая со ступеньки на ступеньку, она миновала лестничную площадку в спальню Веры Фёдоровны. Повернула на третий марш. Неужели она идёт в мансарду? Деревянная лестница не скрипит, и воздух не дрожит, хоть от жары все окна открыты.

Внук не запер дверь. Он никогда не закрывался от бабули – кроме тех случаев, когда был с женщиной. Белая старушка толкнула дверь с матовыми стёклами, покрытыми тончайшим «морозным» узором; переступила порог Серёжиной спальни. Вера неотступно следовала за ней. Войдя, она увидела в мансардных окнах тучи, а на стёклах – капли воды. Остановилась и провела ладонью по лбу, пытаясь понять, что же всё-таки происходит.

И улыбнулась, услышав ровное дыхание внука – хрипловатое, отрывистое, как у настоящего мужчины. Всё-таки вырастила кормильца, без отца подняла. А вот Альку-то и вместе с мужем не смогла нормально воспитать. Институт кончала, и сына таскала в круглосуточные ясли. Потом, как положено – садик, школа, пионерлагерь, институт, стройотряд...

Серёжка спал, запрокинув голову. По настоянию бабушки, он тоже пользовался лечебной подушкой. Вера была довольна – храпеть и ворочаться внук перестал. Осанка его выправилась, и вся фигура будто бы налилась силой. А вот сейчас Серёжка похож на подростка. Острый кадык торчит кверху, под хрящеватым носом отросли усы – словно их никогда не касалась бритва.

Рядом, на полированной тумбочке, что легко катается на роликах, лежит трубка радиотелефона. Наверное, внук перед сном опять с кем-то разговаривал. Не дадут отдохнуть человеку... Пахнет дорогим одеколоном. Странно – ведь во сне нет ни вкуса, ни запаха.

Вера Фёдоровна наклонилась и увидела упавший с кресла костюм внука, и сверху – белую шёлковую сорочку. Хотела нагнуться и поднять, но почему-то не могла. Не было сил – как в своей спальне, когда решила накинуть халат. Ярко блестели начищенные Серёжкины туфли. Он, по привычке, разбросал их – не любил казарменного порядка. Даже после армии не изменил своим принципам.

За одеждой внука Вера всегда следила тщательнейшим образом, а вот сегодня не смогла – очень устала. Надо будет встать пораньше, всё приготовить. Положение обязывает. Друзья привыкли видеть внука в дорогих, без единой пылинки, костюмах. Надо же, какой отчётливый, подробный сон!

Рано утром, часов в шесть, бабушка принесёт Серёже свежую сорочку, наглаженный летний костюм. Внук посвежеет, помолодеет. Станет похожим на того, что удирал в школу, на торжественную линейку – в белой форменной рубашке с эмблемой на рукаве и в красном пионерском галстуке. А теперь галстуки у внука из китайского шёлка – с птицами и цветами.

А вот туфли внук всегда чистил сам. Бабушке он ни под каким предлогом не позволял прикасаться к обуви. Задирает ногу на ступеньку шведской стенки и любовно надраивал импортную кожу до зеркального блеска.

Старушка, идущая впереди, подкралась к постели внука. Зачем? Ведь нож в руках, да ещё такой огромный... А Серёжка спит, и о чём не подозревает. Дождик шуршит за окном. Ветер захлопнул окно где-то внизу – вроде, в её спальне.

Белая фигурка вскинула правую руку с зажатым в ней ножом. Господи, какой жуткий, тёмный сон! Надо немедленно открыть глаза, успокоить сердце. Ноги словно прилипли к ковру. Тому самому, что когда-то привёз из Туркмении Серёжин дедушка. До сих никакие импортные подделки не могли сравниться с ним в яркости красок, в гармонии узора, в прочности нитей. Надо же, и ковёр снится – каждая завитушка, и даже пятнышко в углу. Туда ещё маленький внук-первоклассник накапал из авторучки чернилами...

Да что же баба та делает?! Она наклонилась к постели Серёжи, будто собралась поцеловать его. Так делала сама Вера ещё десять лет назад. Мальчишка засыпал – вот так же, безмятежно раскинувшись – а она легонько касалась губами его щеки. Но сейчас Вера не могла подойти к белой старушке. Не могла даже закричать. Стояла с раскрытым ртом и задыхалась, чувствуя лишь один знобящий ужас.

И вдруг она увидела, как белая старушка прицелилась, размахнулась. И со всех сил ударила парня ножом в шею. Раздался протяжный, сдавленный стон, и кровь брызнула фонтаном. Вера Фёдоровна страшно закричала. Она хотела прыгнуть к своему двойнику, схватить бесплотную фигуру за горло. Но ноги подогнулись, и Гусева рухнула на туркменский ковёр. Плача, она пыталась ухватиться за край подушки, залитой кровью внука, но не смогла. Уронив голову на Серёжин полуботинок, она потеряла сознание.

Гусева очнулась в собственной постели. С облегчением вздохнула, улыбнулась. Был дождь, или он лишь приснился? Но сейчас сквозь жалюзи в спальню вламывалось горячее майское солнышко. Оно целовало старушку в мокрые от слёз и пота щёки, сушило ледяной лоб, пыталось освежить пожухлые губы.

Вера широко открыла глаза, пытаясь убедиться в том, что всё позади. Дубовые подоконники и двери на месте. В уголке под рамой видна часть тарелочки спутниковой антенны. Какое счастье! Ночь ужасов закончилась. Солнечный свет брызжет в окна, распугивая разную нечисть. Злые духи горя и страха всю ночь терзали Веру, но теперь она свободна.

Впереди – светлый день. За окнами – цветущий сад. За жалюзи заливаются птицы. И над всем этим – голубое, без единого облачка, небо. Ведь как хорошо ощутить, что на самом деле всё нормально! Но надо быстрее бежать к Серёже. Сказать ему, что видела дурной сон. Такими вещами пренебрегать не следует. В каждой сказке есть доля правды; в любом видении – крупица истины.

Раз у внука неприятности, с ним тем более нужно быть откровенной. Вполне возможно, что Серёжке надо сегодня остаться дома. Лишь бы уже не уехал в город, как часто бывало! Сам варил себе кофе, жарил яичницу, а после спускался к «Вольво». Надевал вчерашнюю сорочку, натягивал старый костюм. Не имел понятия, где у бабушки лежит его бельё, в каком шкафу висят костюмы и галстуки.

Оглушительное птичье чириканье окончательно разбудило Веру Фёдоровну. Она села, откинула одеяло. В следующий миг старушка лишилась дара речи, и голова закружилась. Её руки были в крови, и бурые пятна изуродовали сороку-ришелье. Гусева закричала, потом прикусила губу. Не соображая, что произошло, она рассматривала свои морщинистые, в кровавых потёках, пальцы.

Соскочив с постели, Вера осмотрела бельё. Точно – и наволочки, и простыня, и пододеяльник в алых мазках. Господи! Да что же это такое? Опять кажется? Она лихорадочно сунула протезы в рот, сплюнула в стакан, прикусила палец – больно. Значит, всё наяву, и надо бежать к Серёжке... А что же случилось? Она ранена? Кем? Каким образом? Жалюзи в порядке, замки... Она никому не открывала дверь, как и внук.

Гусева рванулась к зеркалу, скинула рубашку. Она давно уже не стеснялась своего высохшего, худенького тела, на котором уже не осталось ничего женского. Да и была она одна в спальне. Забыла закрыться, наверное. Но без стука никто к ней не войдёт, даже внук. Она сама вызывала ребят, когда была в том нужда.

Вера Фёдоровна внимательно исследовала себя, но ран не нашла. Отбросив кровавый комок ткани, ещё недавно бывший красивой ночной сорочкой, она надела халат с лиловыми розами. Теперь смогла его поднять, вдеть руки в рукава, завязать пояс. Потом снова остановилась, сражённая страшной догадкой. Если кровь не её, значит, Серёжина?...

То, что случилось ночью, не приснилось? Убийца была в доме. А она, дура старая, приняла злодейку за своего двойника. Развлекалась, следуя за ней по всему дому. Не помешала, не перехватила занесённую над внуком руку с ножом. Но ведь так не бывает. Да нет, бывает! Существует же гипноз...

На языке кипела солоноватая розовая слюна. Вера Фёдоровна, расставив руки, пошатываясь, добралась до двери, ударила в неё лбом. И, босая, кинулась вверх по лестнице. Она плакала и кричала, не боясь, что услышат охранники, примут её за чокнутую. Который час? Семь, наверное, с минутами... Да шут с ним, со временем! Узнать бы, как там внук.

Напугается, бедняга, если ещё спит. А если встал, решит, что бабка тронулась умом. Да и где она столь сильно поранилась? Врач рассказывал, что так бывает. Во время гипертонического криза у одной из его больных получилось естественное кровоупускание. Без надреза, без укола. Кровь хлынула через пору в коже. Тоже ведь чудо – сам организм позаботился о себе.

Наверное, вчера давление не снизилось, а тут ещё такой сон! Мог случиться инсульт, но пронесло. Радоваться надо, скажет внук, а не орать благим матом. Да нет, всё равно жутко. Ногти почти не чувствуются. Вера упала, зацепившись за ковровую дорожку. Она ударилась грудью и боком, едва не скатившись с лестницы. Кряхтя, опираясь на перила, она поднялась, разогнулась. Ныл подбородок, перед глазами роилась чёрная мошкара. Так всегда бывало, когда она волновалась. Туман пополз на глаза.

Вера Фёдоровна попробовала стереть эту муть трясущейся рукой. Она ещё несколько раз оступилась на крутых ступеньках, по которым так легко бегала ночью. Солнце просвечивало сквозь радужные витражи. Пожилая женщина, прикрывая ладонью глаза от разноцветных бликов, взобралась на площадку перед дверью внука, перевела дыхание.

Сердце, казалось, выпрыгнула в руку, по лицу лился пот. Расширенные от ужаса зрачки сверлили полуоткрытую дверь. Вера Фёдоровна вся обратилась в слух, пытаясь уловить хотя бы малейшее движение за дверью, но не услышала ничего.

Вера Фёдоровна сбежала вниз, к лестничному окошку. Оттуда была видна Серёжина машина. Она всегда стояла на одном месте. Если внук уже уехал, «Вольво» на участке нет. Серёжа не может сейчас спать. У него будильник в наручных часах. Может быть, принимает душ? Нет, в ванной пусто. Надо ещё кабинет проверить. Мало ли, какие документы сегодня понадобятся внуку...

Вера Фёдоровна выглянула на улицу, шурясь от солнца. Водитель Дима, в джинсах и лёгкой пёстрой сорочке, курил, нервно поглядывая на часы. Должно быть, хозяин опаздывал. Значит, уже не семь, а около восьми. Она хотела приподнять жалюзи и окликнуть Диму. Но потом отступила от окна и опрометью, барабаня босыми пятками по ступенькам, взбежала наверх.

Ничего уже не стесняясь, распахнула дверь спальни внука и окаменела на пороге. Всё вокруг завертелось, пол наклонился назад. И вера Фёдоровна, с огромным трудом удержавшись на ногах, захлебнулась в истошном крике...

Деревянная рукоятка шеф-ножа, того самого, из сна, торчала над залитой кровью подушкой. Лезвие, пропоров Серёжино горло, вонзилось в подушку «Контур». Внучек – любимый, единственной, кто не бросил на старости бабулю – лежал навзничь, и уже остыл. Мальчик заботился о старухе каждый день – пусть по-мужски неловко, но трогательно. Человек, ставший уже взрослым, надежда Веры Гусевой, путеводный маяк, яркий огонь в её серой жизни... Сколько в него было вложено любви, сил! Вера давно уже сделалась равнодушной к судьбе своего сына, бросившего Серёжу. И вот чем кончилось дело!

Серёжка лежал среди окровавленного белья, в одних узких трусиках. Глаза его были закрыты, даже зажмурены – словно от страха. Этим ножом он и сам часто работал на кухне, помогая бабушке готовить. Но это было давно, пока внук не занялся бизнесом. А когда стал делать карьеру, уже не имел времени.

Вера не могла оторвать взгляда от уродливых бурых пятен на батистовом белье. Кошмарный нож словно вспорол и её горло. Гусева тихо завывала. Мелкими шажками она подошла к постели внука и принялась раскачиваться из стороны в сторону, ничего не понимая. Ясно было одно – Сергея убили. Его больше нет. И никогда не будет. Он не зря боялся. Он чувствовал, что жить остаётся недолго.

И всё напрасно – труды, тревоги, мечты. Не уберегла его бабушка, не оградила. Сама, своими руками вонзила нож. Больше тут некому. Ведь это правда! Ничего, оказывается, ей не приснилось. Даже ей, старухе, понятно, кто убийца. А уж следователю – тем более. На руках бабушки – кровь внука. Нож, что торчит в горле жертвы, взят из деревянного станка на кухне. Так косо, неумело могла ударить только старуха. Если бы не длинное лезвие, парень мог и в

живых остаться. Именно оно повредило сонную артерию, что привело к невосполнимой потере крови.

Вера Фёдоровна, смирившись с очевидным, стала на колени и прижалась губами к ледяному Серёжиному лицу, солёному от крови. Рука была теплее, и тело гнулось, как резиновое. А у живота одеяло ещё хранило его тепло. Где-то Гусева читала, что тела покойников всегда остывают неравномерно.

Любая экспертиза докажет вину Веры Фёдоровны Гусевой. Самый лояльный суд признает её убийцей. Может быть, она сошла с ума, но не понимает этого? Надо обязательно рассказать про этот сон. Наплевать, что отправят в тюрьму или в психушку. Только бы не пожалели, не простили! Самое страшное наказание для неё – остаться здесь, на даче, без внука. И каждый день видеть в станке этот нож...

Жаль, что не расстреливают в России женщин, да и мужчин тоже – в таком возрасте. А то бы она спросила для себя высшую меру. Никогда не забыть ей вытянувшегося, плоского тела внука, его зажмуренные глаза, усики над верхней губой. Из ноздрей текла кровь, а теперь засохла. И при жизни у внука часто шла кровь носом, особенно после гриппа. А потом он занялся спортом. Зимой катался на лыжах, летом – ходил на байдарке с друзьями.

Вера Фёдоровна кончиком корявого пальца прикоснулась к нательному кресту внука, удивлённо покачала головой. И снова надрывно завывала, уже ничего не пытаюсь понять. Всё было и так ясно. Какой там приговор суда! Бывший главбух Гусева сама себя убьёт. Ни за что не станет жить с таким грузом на сердце. Попросит лишь о том, чтобы похоронили их с внуком в одной могиле.

Но в загробной жизни они не встретятся. Лишь бы Серёжка хоть *там* узнал, что бабушка его невиновна. Она убила, не сознавая этого. А ведь от неё-то внук меньше всего ожидал подобного. Вернее, совсем не ожидал. Постоянно говорил, что только ей верит, может открыть душу...

– Да прости же, солнышко, прости! – Гусева не выпускала застывшей руки внука.

А потом вспомнила, что шофёр всё ждёт Сергея Александровича. Надо бы сказать Диме, что на сегодня он свободен. Впрочем, нет, он ведь должен вызвать милицию, что-то делать. Дима – парень ушлый. Ему двадцать лет, а во всём уже разбирается. Знает, как себя вести, когда убитый лежит в доме. А она сама ничего не может сделать. Даже не понимает, как всё это конкретно случилось. Ведь никогда не страдала никакими психозами. Всегда была волевой, сильной, суховатой, неэмоциональной. Все проблемы решала сама, в одиночку.

Во время войны потеряла обоих родителей, пошла к станку, на завод. Без отрыва от производства окончила институт. Похоронив мужа, осталась одна – сын уже женился на Серёжиной матери. Через пять лет пришлось взять к себе внука. Ни сыну, ни невестке ребёнка не отдала. Если уж родителям нет дела до чувств мальчика, то их новые половины и вовсе кроху со света сживут. И каждый орёт: «А почему я?! Это и твой ребёнок тоже!»

Вера Фёдоровна прекратила это безобразие, раз и навсегда заявив: «Он мой!» Вот уж бывшей невестушке раздолье будет! Да и сын тоже «спасибо» не скажет. Они оба, пальцем не шевельнув для Сергея, теперь начнут надрывно его оплакивать – в пику слишком самостоятельной бабке. Вот теперь они мальчика полюбят, когда ему это уже не нужно. Наслушается его душа про себя самых лестных слов. Только где раньше-то были эти горе-родители?...

Гусева пальцами вытерла слёзы. Когда-то её серые, волоокие глаза плакали красиво. Сейчас же Вера стала морщинистая, отвратительная, как все старухи. Её зарёванное лицо могло выznать не сочувствие, а раздражение. Она держала себя в руках при самых трудных обстоятельствах. Например, в сорок первом году, когда от недосыпания угодила рукой в шестерни станка, не стонала и не орала. Знала, что надо терпеть. Руку чудом спасли, но потом она плохо сгибалась, болела. Тогда и сделали Веру Печорину счетоводом, а затем – бухгалтером.

Но вести хозяйство, стирать пелёнки приходилось самой. Думала, что вкладывается в будущее, и на старости лет одна не останется. А что вышло? Муж умер рано, а другой был Вере не нужен. Да и не попало как-то подходящего. Думала, что из Алика толк получится, но ошиблась. Без отцовской руки парень совсем разболтался. Женился на иногородней, привёл её в дом. Вера Фёдоровна выгнала их обоих, потому что её посмели просто поставить перед фактом. Так и не приняла Елену, тем самым сохранив жилплощадь. Теперь там Алик живёт с новой семьей.

А Вера всю жизнь потратила на других. Покоя не видела, здоровья не берегла. И ведь не озлобилась, не взяла за правило срывать гнев на слабых. Ни Алика, ни Серёжу пальцем ни разу не тронула. Наказывала сына и внука лишь тем, что хмурила брови и не разговаривала с мальчишками. Но продолжала кормить их, мыть, укладывать спать – когда были маленькие. А после они и сами избегали конфликтов – слишком тягостной становилась тогда атмосфера в доме.

И вот сегодня ночью она убила внука. Даже не знает точно, в котором часу. На памятнике будет тринадцатое мая. Полночь к тому времени давно прошла. А как они сидели под яблоней, дыша вечерней прохладой! «Перед смертью не надыхишься...» Да, верно. Но Серёжка не думал, что это произойдёт так скоро. Алик, конечно, свою мать проклянёт. Не поверит, что она сделала это во сне. Но тогда как иначе? Неужели она могла целенаправленно, тщательно готовить такое преступление?...

Это исключено. Но точно также невозможно и безумие. Не такой она человек. Ладно, ничего уже не исправишь. Надо встать с пола, умыться, как следует запахнуть халат. В доме всегда прибрано – перед чужими людьми не стыдно. А ведь их наедет много – следователь, милиция, понятые, да и врачи тоже.

Надо сразу во всём признаться, но обязательно сказать, что случилось всё при полном помрачении сознания. Она со стороны видела, как совершала убийство, но помешать самой себе не смогла. Её, конечно, арестуют, увезут в тюрьму. Надо заранее собраться – принять душ, собрать сумку. Гусева с трудом, встав на четвереньки, поднялась с ковра. Это раньше могла легко вскакивать, а теперь сердце с трудом выдерживает такие упражнения.

Она плакала, потом смеялась, воображая себя в сумасшедшем доме. Кто бы мог подумать?... Конечно, старуху туда и упрячут. Пусть там и перекинется. Перспектив у неё меньше, чем у любой другой заключённой. И возвращаться некуда – без Серёжи дом пуст. Даже если Алик поверит, что мать сошла с ума, и простит, сама она вечно будет помнить Серёжины зажмуренные глаза, отросшие усики и нож в его горле...

Наконец-то она распрямила хрустящие колени и, пошатываясь, побрела к двери. На мертвого внука больше не оглядывалась. Боялась, что лишится чувств, а нужно ещё так много сделать до приезда милиции!

Опираясь на перила, она стала спускаться. Солнце мучило, заигрывая, пробираясь сквозь жалюзи, в вырез халата. Ступеньки нагрелись, и Вера чувствовала живительное тепло. Наконец, она подошла к окну на площадке, нажатием кнопки убрала жалюзи.

Разъярённый Дима курил около «Вольвочки» и опять смотрел на часы. Он притопывал рожками нубуковыми туфлями и ерошил волосы. Он ещё не знает... Вера Фёдоровна почувствовала, что именно в этот момент рассудок её помутился. Она громко захохотала.

Дима поднял голову и увидел бабушку своего шефа. Он поздоровался, ничего не понимая. Почему она столь весела? Да и где, в самом деле, Сергей Александрович? Они уже опоздали к началу отпевания Галины Коробейниковой. Ладно, если на кладбище успеют. Нормальная, душевная баба была; здорово выручила шефа. Он всегда Галину ценил, а вот сейчас не оказал уважения. Ведь, кроме памяти, Галке ничего от него не нужно. Она теперь свободная от всего и счастливая...

– Доброе утро, Вера Фёдоровна!

Дмитрий хотел спросить, долго ли ещё ждать Гусева. Но решил, что бабка сама скажет, и не ошибся. Никогда Дмитрий не видел хозяйку в халате, без причёски. К тому же, вела она себя совершенно не так, как обычно. Впрочем, со стариками это случается, причём внезапно.

К примеру, дедушка самого Дмитрия сначала перестал узнавать друзей, затем – родных. В итоге забыл, где находится собственный дом. Это происходило не раз и не два. В тот день он тоже пошёл гулять, заблудился и умер где-то в Коломенском заповеднике.

Неделю провалялся в холодильнике морга. Уже не чаяли его найти, и семья стояла на ушах. Но дедуля всю жизнь был с дымом в голове. А вот хозяйка на такую совсем не похожа. С чего же у неё поехала крыша? Да, у Серёги неприятности. А при стрессах изменения в мозгах происходят очень быстро.

Вера Фёдоровна почти по пояс высунулась из окна, даже не пытаясь запахнуть на груди халат. Отведя от лица свалывшиеся седые космы, она опять захихикала.

– Димуля, который час? Мои в спальне встали...

– Половина десятого.

Водитель подошёл поближе к засаженной нарциссами клумбе. Там он даже споткнулся от неожиданности. Чопорная, серьёзная дама безостановочно хохотала, мелко трясла головой. Вставные зубы её блестели между сухих губ.

– Половина десятого... – повторила Гусева, продолжая смеяться. – Уже много времени, Димочка. Серёжа не выйдет сегодня.

– Не выйдет?! – Диме показалось, что он ослышался. – Но мы ведь...

– Я всё знаю, Димочка. – Вера Фёдоровна перестала смеяться. – Но Серёжа выйти не может. – И она вздохнула, оперевшись о подоконник.

– Мы уже опоздали на отпевание Галины Коробейниковой. Может быть, успеем ещё на погребение...

Дмитрий смотрел на белые облака, за зелёное кружево сада. Непонятно, почему шеф послал бабку сказать об этом. Мог бы и сам выйти на балкон, позвонить.

– Вера Фёдоровна, хозяин точно решил не ехать? А то потом, боюсь, передумает, и мы поссоримся.

– Он не передумает, Дмитрий. И никогда уже не выйдет...

Гусева увидела, как лицо водителя залила мертвенная бледность. Он догадался, что случилась трагедия. Но подробностей никогда, кроме Веры Фёдоровны, ещё не знал.

– Никогда?... – Водитель сжал кулаки. – Что с ним?!

– Он умер, Димочка. – Вера Фёдоровна скрестила руки на груди.

Она всё для себя решила, и теперь была спокойна. Дмитрий же, наоборот, чуть не выразился по-матерному. Его словно молнией сразило – солнечным утром, при ясном небе. Да, водитель знал о неприятностях Гусева. Но никак не мог предположить, что всё случится на охраняемом участке, в надёжном доме, ночью. Естественную кончину Сергея водитель в расчёт не брал. Но почему бабка смеётся, в самом деле? Действительно, спятила, что ли?...

– Его убили?

Дмитрий почувствовал, что ладони его стали мокрыми от пота, а ремень больно врезался в тело. Остальная обслуга, в том числе и охранники, тоже вышла на лужайку перед домом. Собаки лаяли в вольере, потом принялись рычать. У соседей начала «выть» машина – «Ниссан-Патроль». Но всем собравшимся казалось, что над посёлком висит вязкая, кладбищенская тишина. И каждый думал: «Кого винить? Не меня ли?»

– Его убили? – повторил Дмитрий и увидел, что Гусева кивнула. – Каким образом? Застрелили?

– Нет, его убили ножом. – Вера Фёдоровна закрыла лицо руками.

– Кто? – Дмитрий почувствовался, что у него перехватило горло. – Можно взглянуть?

– Не можно, а нужно! – вступил в разговор стриженный верзила по имени Павел. Серёжа представлял его бабушке как начальника охраны.

– Я его убила.

Гусева отвела ладони от лица и увидела застывшие лица людей, стоявших под окном. Она усмехнулась и внезапно стала прежней Верой Фёдоровной – деловой, собранной, властной.

– Я убила Сергея в бессознательном состоянии. Я больна, должно быть, но не вам в этом разбираться, Павел. Немедленно вызывайте милицию...

Никто не шевельнулся. Казалось, что люди превратились в каменные статуи. То, что он услышали, никак не могло быть правдой.

– Нет, подождите минут десять, – отменила своё распоряжение Гусева. – Вдруг они очень быстро приедут, а я должна привести себя в порядок. И ещё, Дима, – обратилась старушка к водителю, который ей нравился больше других, – позвоните родителям Серёжи, моему сыну и бывшей невестке. Постарайтесь утешить их. Но только после того, как Серёжу увезут в морг, а меня – в тюрьму. Чем бы ни закончилось дело, мне будет трудно говорить с ними...

Какая-то птичка свиристела над самой головой и сбивала с мысли. Вера Фёдоровна досадливо поморщилась.

– В особенности с сыном... Но, надеюсь, Господь избавит меня хотя бы от этой пытки. В память моего внука позвоните, Димочка!

* * *

Квинту сильно напекло голову перед посадкой в самолёт. Теперь его тошнило и мотало из стороны в сторону. Хотелось стащить с себя не только полотняную куртку, но и яркую рубашку с геометрическим рисунком. К сожалению, правила поведения на борту авиалайнера не позволяли так вести себя приличному человеку – следователю, юристу первого класса, да и просто мужчине, разменявшему пятый десяток.

Евгений Михайлович аккуратно зачесал поредевшие, глянцево-чёрные волосы на плешь, пристегнулся ремнём. Первые полчаса после взлёта из ростовского аэропорта он отдыхал, с интересом малыша разглядывая в иллюминатор остающуюся внизу землю. Потом следить за набором высоты наскучило, и Квинт откинулся на спинку кресла.

Про себя он отметил, что чехол на подголовнике не очень-то чистый. Но, возможно, он просто придирался к мелочам, потому что был зол. Да и кому бы понравилось прерывать долгожданный отпуск ровно посередине? Ведь четыре года пахал, как проклятый, и довольствовался одними обещаниями начальства. Наконец, в этом году, улетел в Ростов – тридцатого апреля. Но через две недели пришлось снова ехать в аэропорт – по вязкой, серой, отвратительной жаре.

Неужели не нашлось другого следователя для дела Гусевых? Как повышать по службе и начислять премии – тут он один из многих. А как заниматься сложным, необычным делом – сразу же оказывается один. Тогда и платить надо соответственно, и по карьерной лестнице двигать впереди остальных. А так и подголовник грязным кажется, и боржоми – слишком тёплым, да ещё без газа.

Квинт вернул стюардессе стаканчик, буркнул что-то непонятное. Потом он спрятал тёмные очки в футляр, и достал другие для чтения. Щёлкнул замками кейса, аккуратно извлёк замшевую папку. Открыл её и достал скользкую бумагу, сложенную вчетверо. Это и был тот факс, из-за которого пришлось покинуть милый берег Азовского моря. Содержание факса заставило материалиста Квинта поверить в то, что чертовщина на свете существует.

Всё, как всегда – фиолетовое небо за иллюминатором. Снизу – сахарные горы облаков. Гул турбин, негромкие разговоры попутчиков сзади и справа. И почему-то сжимается сердце – как в детстве, когда слушал страшные сказки. Квинт ещё раз перечитал текст, вдумывая-

ясь в каждое слово. Потом, оставив очки на крупном, блестящем от пота носу, он попытался представить себе действующих лиц трагедии, разыгравшейся в подмосковном посёлке. Прежде всего, нужно было втиснуть происшедшее в рамки строгой логики.

Итак, Гусев Сергей Александрович, 5 ноября 1972 года рождения, москвич. Выходит, ему не исполнилось и двадцати трёх лет. Казалось бы, обычная история, от которой уже скулы сводит. Ёжику понятно, как всё было в натуре. Падёж молодых самонадеянных коммерсантов превысил мыслимые и немыслимые нормы. Впору объявлять общенациональный траур.

И всё – по глупости. Желторотые юнцы, им нужно, самое меньшее, ещё лет пятнадцать ума и опыта набираться. А они замахиваются на серьёзные дела с такой лёгкостью, будто в войнушку играют. Погибший Сергей Гусев явно из той же команды «яппи»-неудачников. Да и чего ждать, если школу он окончил на одни тройки? Но поступил в престижный ВУЗ – явно по протекции родственников. Бабушка очень хотела вывести внука в люди.

Вера Фёдоровна Гусева, судя по всему, была дамой жёсткой и честолюбивой. Она вырастила Сергея сама, забрав от родителей. А несколько дней назад убила его ударом ножа в горло. Уверяет, что сделала это во сне или в забытьи, не отдавая себе отчёта в совершаемых действиях. Сразу же появилась версия о сомнамбулизме. Но через некоторое время выяснилось, что этим недугом Гусева никогда не страдала.

В соответствующих диспансерах Вера Фёдоровна на учёте не состояла. По отзывам приятельниц и бывших коллег всю жизнь слыла на редкой уравновешенной и здравомыслящей особой. Никогда не обижала даже молоденьких девчонок-практиканток. Считалась самым справедливым арбитром в производственных и личных спорах сослуживцев. Одним своим присутствием она заставляла более нервных людей уgomониться.

Образ Веры Фёдоровны у Квинта уже сформировался. Надо будет сразу же после прилёта с ней побеседовать. И времени не жалеть, сидеть хоть всю ночь. Каждое её слово – на вес золота. Ведь Гусева была не только убийцей своего внука, но и самым близким ему человеком. Лучше Веры Фёдоровны о Сергее и его проблемах всё равно никто не расскажет.

А вот родители погибшего Квинту, считай, и не нужны вовсе. Какой с них спрос, если мамаша своего первенца ко времени убийства не видела без малого пять лет? Правда, изредка названивала отпрыску, чтобы как-то исполнить родительский долг. А отец, сын Веры Фёдоровны, навещал Сергея в последний раз под Новый девяносто второй год. Всё-таки отец с сыном должны встречаться чаще, раз проживают в одном городе.

Впрочем, Александр Гусев и мать свою совсем забросил. А ведь она приняла на себя все тяготы воспитания его ребёнка! С пятилетнего возраста парень жил у бабушки. Родители навещали его только день рождения и под Новый год. А потом и вообще перестали заезжать, только звонили. Видите ли, очень заняты были – не до первенца им. Предки, однако...

Квинт спрятал папку в кейс, опять прикрыл глаза. Он несколько раз звонил в Москву, чтобы уточнить кое-какие подробности. Но, по мере поступления новых сведений, он всё больше терялся в догадках. Каждый новый шаг не приближал к цели, а отдалял от неё. Казалось, что играешь в конструктор «Лего», где детали просто не могут соединиться, потому что взяты из разных наборов.

Вера Гусева обожала внука – этот факт подтвердили абсолютно все, кто их знал. Сергей платил бабушке самой искренней привязанностью. Заботился о ней, опекал, тревожился, когда она хворала. Не жалел ни времени, ни денег, возил её по врачам, навещал в больницах.

Личный шофёр Сергея Гусева Дмитрий Груздев, а также начальник его охраны Павел Барабанов и прочая дачная обслуга дали практически одинаковые показания. Старуха сообщила им о смерти внука, весело смеясь. Тут, понятно, истерика. Недолго и с ума сойти. Такое Квинт видел не впервые. И не то главное, что хохотала, даже что убила – кого сейчас этим удивишь?

Интересно другое. Для чего Вере Фёдоровне потребовалось, чтобы внука не стало? Кроме неё, этого не мог сделать никто. Сама призналась, да и экспертиза подтвердила её слова. Теперь бабушка в изоляторе, внук в морге, а следователь Квинт – в самолёте, на пути в Москву. Итак, классический вопрос римского права – корму выгодно? И ещё – почему бабуля прикончила внука ножом? Ведь могла бы отравить, к примеру. Имела такую возможность – сама ему готовила.

Это если убийство было умышленным. И поводом послужила корысть. А если поверить словам Гусевой? Ладно, пусть сама расскажет, как всё было. Тогда и проанализируем степень её искренности. Отличные отзывы приятельниц, лестные характеристики с работы – не в счёт. Помнится, маньяки-убийцы Чикатило и Михасевич слыли прямо-таки душками. У нас скорее припишут зверство просто неприветливому человеку, погружённому в себя. А за коммуникабельного убийцу встанут грудью.

Да как же! Не может быть – это ошибка! Он такой добрый, такой отзывчивый, здоровается всегда. Не единожды приходилось Квинту слушать такие доводы в пользу чьей-либо невиновности. Он выучил эти перлы наизусть: добрый, душевный, советом поможет, последнюю рубашку отдаст, накормит и напоит. Шли в ход воспоминания о совместных походах в баню, за грибами, поездках на рыбалку.

Да разве всё это помешает в один не прекрасный день убить человека и расчленить его труп? Бывает, что и без всякой выгоды, а просто с целью удовлетворения извращённых сексуальных потребностей. А сколько было жутких убийств по пьянке, по злобе, из ревности?

И всё же странно, что Гусева расправилась с внуком демонстративно – как психопатка или алкоголичка. Ведь такие волевые, собственные дамы, если и решаются на преступление, проделывают это после всестороннего анализа, обязательно трезвые. И никогда не станут хохотать, высунувшись в окно. Наоборот, лучше разыграют горе, станут кататься по полу и грызть ножки стульев.

Или бабушка решила соригинальничать? Мол, никто так не поступает, а она поступит. «Включила дурку»*, чтобы меньше получить? И такой вариант исключать нельзя. Надо как следует проверить Гусеву, попробовать в душу к ней заглянуть. До сих пор у Квинта такой приём срабатывал. И сейчас, понадеемся, дело выгорит.

Пока известно одно – никаких конфликтов между бабкой и внуком не было. Материальных претензий родственники двух к другу не имели. По крайней мере, никто об этом не знал – ни близкие, ни сотрудники. Совершенно благополучная семья – ни тебе вызовов милиции, ни судебных тяжб.

Квинт достал огромный носовой платок, снял очки, тщательно вытер лицо. Стюардесса – милая, стройная шатенка – опять разносила напитки. Женщины, сидевшие рядом с Квинтом, взяли себе по порции лимонада. Вспомнив о выдохшемся боржоми, он тоже выбрал лимонад. И не пожалел. Напиток оказался кисло-сладкий, холодный, газированный. Пузырьки так и закололи язык. Теперь Евгений Михайлович широко улыбнулся любезной девушке.

Хоть вентиляция и тянет, от жары мозги киснут. На чём остановился? Ах, да! Первым делом – свидание с задержанной. Та после безудержного веселья впала в депрессию. У неё психологический шок. Как будто, лишившись свободы, бывший главбух Гусева наконец-то поняла, что натворила...

Квинт, рано утром переговоров со своим замом Панкратовым, который до его возвращения вёл дело Гусевой, узнал некоторые детали. Вера Фёдоровна отвечает на вопросы, не замыкается в себе. Особенно охотно общается с врачами и милиционерами, с работниками прокуратуры. Хочет понять, что же с ней произошло той ночью. Отлично – Квинт тоже этого хочет. Вот и поработаем вместе. Одна голова – хорошо. А две, как известно, лучше.

Только одно странно. При амбулаторной экспертизе Гусева признана вменяемой. Никаких отклонений никогда не имела. Конечно, её ждёт стационарная экспертиза в институте Сербского, но это потом. Если вывод врачей подтвердится, с бабушкой придётся разговаривать строже. Не может нормальный человек убить другого, да ещё родного внука, без всяких на то причин. Да ещё незаметно для себя самого!

История, конечно, не новая в практике Квинта. Да и у приятелей-сокурсников такое случилось. Даже на побережье Таганрогского залива, откуда Квинт сейчас и возвращался, закадычный друг не дал ему отдохнуть. Он работал в местном уголовном розыске, а ранее вместе с Евгением кончал юрфак Московского университета. На службе и узнал подробности преступления, совершённого близ Ростова. Оно взбудоражило не только посёлок, где всё произошло; городская общественность тоже гудела, как пчелиный улей.

Неожиданно для себя Квинт, вновь любясь бескрайней равниной облаков внизу, провёл параллель между этими двумя происшествиями. В Ростове убийцей также оказалась старушка, причём десятью годами старше Гусевой. Ей было восемьдесят. И не внука она зарубила топором, а своего родного сына. Что интересно – все вытаращили глаза семь на восемь. От тихой, безответной, к тому же сильно верующей бабули никто такого зверства не ждал.

Конечно, сынок её сидел четыре раза, но мать всё терпела, прощала, оправдывала. Только вот эту бабушку уже никогда и никому не доведётся допросить. Сразу же после совершения преступления она повесилась.

Квинт повернулся к проходу, скривил липкие от лимонада губы. Он заметил, что трясущегося дедушку снова ведут под руки в туалет. Зачем повезли его самолётом? Перепады давления больному ни к чему. Да ещё, чего доброго, какая-нибудь нестандартная ситуация, «болтанка», воздушная яма, турбулентная зона – и пиши пропало! Впрочем, не его это дело. Обе соседки теперь спали, приоткрыв рты. У той, что сидела в центре, по подбородку размазалась помада. От её синтетической кофты противно воняло потом.

Сегодня Квинт был особенно чувствителен к запахам. Не мешало бы и ему уйти в туалет. Но желанное место оказалось занято ветераном – это во-первых. Во-вторых, не хотелось пробираться между толстыми коленями попутчиц и спинками передних кресел. Он привык работать круглосуточно. Даже когда спал, случалось, находил ответы на интересующие вопросы.

Сейчас ему тоже вдруг захотелось вздремнуть. Евгений Михайлович деликатно прикрыл рот платком, от души зевнул. Действительно, раза два ему приснился преступник – и это оказалось правдой. Тогда он расследовал «глухари», на которые все махнули руками. Теперь же с этим всё ясно – убийца налицо. Но совершенно не понятен мотив. Конечно, и это может привидеться ночью, но всё-таки лучше узнать у самой Веры Фёдоровны.

Сейчас его занимал один вопрос – до конца ли искренна Гусева? Кроме того, насколько точен вывод психиатров о её вменяемости? Может быть, это было кратковременное помешательство? И вменяемость Гусевой ограничена? Такое тоже бывает, и нередко.

... Квинт обосновался под Азовом на даче приятеля. Ухитрился там прожить две недели – без забот и хлопот. Хозяин выстроил на берегу моря неплохой коттедж, а сам там почти не появлялся – работал в Таганроге. Евгений виделся с замотанным приятелем только урывками. А сам кайфовал в прекрасном местечке, на побережье, и чувствовал себя, как в раю.

Приятель жаловался, что получил участок слишком далеко от Таганрога. Но никаких бытовых неудобств изнеженный москвич Квинт там не испытывал. Свет в доме был, кран на участке – тоже. Имелись даже душевая кабина и стиральная машина. Газ, правда, пока привозили в баллонах, но потом обещали провести.

Евгений Михайлович приноровился обслуживать сам себя. Жену он сюда взять не смог. Она осталась в Москве, с дочерью, оканчивающей школу. После, без перерыва, Марина собиралась вновь засесть за учебники и конспекты – для подготовки к экзаменам в университет. Татьяна не могла позволить себе нежиться на пляже, когда дочурка вкалывает в поте лица.

Поначалу Евгений скучал без семьи. Но, поразмыслив, понял, что одиночество его обогащает. Кроме того, оно благотворно сказывается на здоровье, позволяет привести в порядок нервы.

Вдоволь наговорившись за те годы, что не был в отпуске, Квинт целыми днями молчал. Он валялся на берегу, купался в обжигающе-холодной воде. В мае редкие смельчаки решались открыть сезон. А вот Квинт рискнул, потому что вряд ли вскоре представится возможность, как следует поплавать в море.

Столица заготовила для следователя воз работы. Квинт знал себя и не сомневался – пока не перелопатит все папки, не поедет никуда. Разве что выберется в Подмоскowie – на их старенькую дачу, где почти круглый год жили родители. Отец – из-за высокого давления, мать – по причине астмы. Да и не бросила бы она там мужа одного...

Друг любезный несколько раз приезжал на залив и выводил Евгения из блаженной нирваны, рассказывая о служебных проблемах. В частности, упомянул ту историю, которую неделю спустя Квинт вспоминал в самолёте. Удивительное сходство сюжетов, если можно так выразиться. Но вот действующие лица совсем другие. Поэтому вряд ли можно сравнивать обстоятельства двух преступлений. Да и города находятся далеко один от другого. Видимо, просто совпало...

Валентин Шавров, приятель Квинта, не мог даже на пляже валяться без бутылки пива. В тот вечер они, искупавшись, улеглись на параллельно стоящие топчаны. У них был целый ритуал наблюдения за солнцем, садящимся в море. Следом за этим на землю тотчас же падала чёрная бархатная южная ночь.

Потягивая пиво «Калинкинъ» и предвкушая завтрашнюю поездку на Песчаные острова, Квинт слушал друга и про себя досадовал. До чего же ему надоели эти убийства, задержания, допросы! Какое счастье видеть зеркальную воду залива, чаек на ней, ощущать тишину и покой. В саду белеет дом, и вечером, сквозь листву, уютно светятся его окошки.

Все бандиты исчезли с земли, будто сгинули. И ни один их пакостный поступок не осквернит весну. Квинту хотелось так думать, но Шавров никак не мог угомониться. Перевернувшись на живот, он долго вздыхал, хмыкал, укладывался поудобнее. Наконец, не выдержал.

– Жень, слышь, что было у нас! Вернее, в Ростове. Там есть посёлок Янтарный. Богатенькие буратины живут...

– Да не твоя же епархия! – Квинт хотел встать и уйти.

Он не любил сидеть рядом с сухощавым, мускулистым Шавровым. Самому с фигурой не повезло. С детства был толстый, и потом не похудел. Только весь зарос чёрным волосом, за что и получил прозвище Гризли. Теперь пузо снова стало пухнуть, как на дрожжах. Надо бы пива поменьше пить. Но вот на Вальку оно не действует совершенно. И на московского друга Антона Ронина – тоже. Тот – вообще красавец, как античный герой. Ест всё, что хочет, причём помногу. А фигура – картинка! Рядом с такими мужиками Квинту впору повеситься от собственного безобразия.

Евгений даже позаимствовал у Ронина привычку носить на шее золотую цепь, а на пальцах – кольца и перстни. В таком виде он стал похож на «авторитета» из какой-то южной республики. Шавров даже поддевал: «Гляди, в ментовку загребут! Ты – вылитый пахан в этом золоте!» Ничего удивительного. Мать – армянка, и сын пошёл в неё. Она тоже полная, с выпуклыми чёрными глазами и крупным носом. У матери с сыном даже взгляд похож – задумчивый и вместе с тем цепкий.

– Многостаночник ты, что ли, ещё и об областном центре думать? – ворчливо продолжал Квинт. – В Таганроге всю преступность побороли? Делать тебе нечего?

Квинт гнал мысли о папках, запертых в сейфе. И наблюдал, как небесные звёзды отражаются в море, словно светят из глубины.

– Брось! Давай поживём, как люди! Согласен? Или возражаешь?

– Я не настаиваю, чего там.

Шавров стряхнул пепел с кончика сигарету и разрыл босой пяткой песок. Порезался ракушкой, нецензурно выругался и измазал палец в крови.

– Но, понимаешь, случай невероятный! Самое главное, ни за что не похоже, хотя в Янтарном почти каждую ночь разборки. Посёлок этот в городскую черту входит...

Шавров сходил к воде, зачерпнул её в горсть, брызнул на ранку. От соли Валькина шевелюра склеилась в сосульки, висела над запавшими глазами. Он опять раздул огонёк сигареты.

Квинт понимал, что Шавров хочет поделиться какими-то догадками с профессионалом. Возможно, ему нужен совет. Вероятно, следовательно, ведущий это дело, пребывает в сомнениях. Евгений просил приятеля никому о нём не рассказывать. А тот, видно, проболтался. Или просто сам хочет проконсультироваться – из интереса.

– Ладно, говори, ты же не отстанешь. Только самую суть. Потом я ещё раз окунусь – и спать. Устал очень.

– Отдыхаешь целыми днями – и устал. – Шавров сплюнул на палец и погасил сигарету.

Евгений тщетно пытался отучить его от этих, не очень эстетичных привычек ещё в университете. Сейчас тоже хотел сделать замечание, но передумал. Даже открыть рот было трудно. Отпускная лень сделала из хваткого следователя просто мирного стареющего мужика.

Валька Шавров, насквозь пропахший табаком, одеколоном и морем, сел на его лежак.

– Слушай, может, на свежую голову, поймёшь, в чём дело? Сперва мне тоже показалось – всё просто...

Квинт никак не мог понять, какого цвета у приятеля правки – красного или оранжевого. А его собственные, белые с лиловой полосой, совсем скрылись под складками жира.

– Ты понимаешь, убитый, Юрий Иванович Кисельчук, родом из Липецка. Это – профессиональный шулер. Хотя первая судимость у него была за другое. От «кротом» был. Гастролировал в Москве и Ленинграде, «щипал»* в метро. Потом сменил ампула – больше поманили картинки*...

– Сколько ему лет... было? – перебил Квинт.

Он жалел, что пошёл на поводу у Вальки. В то же время понимал, что друзьям надо помогать.

– «Полтинник» в январе отпраздновал. Сорок пятого года. – Шавров подёргал свой казацкий чуб. – Отец его в штрафной роте воевал. Так что гены порченые. Ничего другого от него никто и не ждал. Но ни отец Кисельчука, ни он сам к «мокрому» даже не подходили. С этим у воров и шулеров строго. Все ждали, что кончит он, как обычно, но пьяному делу...

– А он как кончил? – Квинт отчаянно боролся с дремотой.

– Старушка-мать топором зарубила! – Шавров ударил себя кулаком по колену. – Понимаешь ли, бабуку эту многие знали. На базаре она одно время торговала. Ну, не может быть! Не может, Женька. Лопни мои глаза...

– Она где сейчас – под подпиской? В возрасте, наверное, раз сыну пятьдесят.

Ничего интересного в этой истории Квинт для себя не видел. И уже хотел сказать Валентину, чтобы тот шёл есть картошку с жареной рыбой. Специально к его приезду Евгений приготовил ужин, сверяя каждое своё действие с поваренной книгой. Всё, конечно, остыло. Но в такую жару и холодное сойдёт.

– В том-то и дело, что повесилась старуха. Так их и нашли. Юрий – у камина, с раскроенным черепом. А мать в ванной, на трубе...

– Точно известно, что зарубила она?

Тогда Евгений не подозревал, что через сутки на его имя придёт первый факс из Москвы. Там будет обрисована примерно такая же картина. Труп с ножом в горле, пожилая женщина. К счастью, живая, но помешавшаяся с горя.

– Может, кто-нибудь их обоих сделал?

– Да нет, имеется свидетель, что старуха Кисельчук сама сынка приголубила. Верить можно, такое не придумаешь. Да и эксперты подтвердили. Плохо, что допросить её нельзя...

Оба закурили, глядя на море, и минут пять молчали. Квинт думал, что ему и московской мокрухи хватает. Нечего отнимать хлеб у здешнего розыска. Но просто шугануть Вальку тоже нельзя. Кроме того, и натура требует дела. Московские дела в аккуратных папочках далеко, так можно подумать и над местными проблемами. Так всегда бывает, когда работаешь по званию.

Шавров ждал ответа. Квинт пользовался у него непререкаемым авторитетом. Работа в Москве казалась Валентину сплошным фейерверком удачи. Евгений решил помочь другу, высказав свой взгляд на проблему. Шут знает, может, это чем-то поможет в работе по делу.

Допив последние капли пива из банки, Квинт искоса взглянул на Шаврова:

– Чего уставился?

– Не понял. – Валентин кашлянул. Так грубо Евгений с ним ни когда не разговаривал.

– А я не понимаю, что ты не понимаешь! – разозлился Квинт. – Мать натерпелась в жизни от сынули. Пыталась усовестить его, вернуть на путь истинный. А тот шлялся по тюрьмам и колониям, в промежутках «гудел» с братвой. Естественно, мама сильно переживала. И в тот день, вполне вероятно, они вновь поцапались. Или вспомнились старушке старые обиды. Она огрела сына топором по черепу, а после ужаснулась. Что в таком случае делает наш человек? Лезет в петлю, как правило. Неужели в твоей практике такого не случилось?

Квинт смотрел на Шаврова блестящими глазами. На лбу московского следователя выступили капли пота. Несмотря на попытки оставаться спокойным, он очень волновался.

– У меня так – сплошь и рядом! Хрестоматийное событие. Сценарий заезжен, как лифт. У терпеливой женщины летят тормоза, и она становится неуправляемой. Припоминает извергу сразу все обиды. Сынок ведь так и не изъявил желания встать на путь исправления. Проще говорят, наотрез отказался «завязать». Верно?

– Да, скорее всего. Но, ты понимаешь, не такая она...

– В том-то и дело, что тихие богомолки – самые жуткие преступницы. Ведь годами подавляемая злость никуда не уходит. Она копится и, наконец, взрывает человека изнутри, заставляя его изощряться в жестокостях. Будь у них частые скандалы, пар спускался бы. А так бабушка припасла все претензии, чтобы решить их зараз. И не рассчитала силы. Разумеется, увидев разрубленную голову родного сына, бабушка крепко раскаялась. Она тут же вынесла себе приговор, и привела его в исполнение. И такие случаи – не редкость. Два месяца назад знакомый следователь выезжал на схожие происшествия по три раза в неделю. Везде – забитые мамочки, алкаши, отмотавшие не один срок. Орудия убийства: у кого – тяпка для капусты, у кого – бутылка, у кого – нож. По двенадцать ран на теле – норма. А до этого очередная старушка выбрала для дела чугунный утюг. От головы сына вообще ничего не осталось. И все случаи – в новостройках почему-то. Наверное, там культурный уровень ниже.

Квинт потушил сигарету и подумал, что пора идти купаться. Он любил плавать, когда в воде отражались звёзды, а тишина комаром звенела в ушах.

– Конечно, я могу ошибаться. Если следователь хочет знать моё мнение, то оно именно такое. У него могут быть другие соображения. Вот и всё, что тут можно сказать. Валентин, отдыхай, пока есть такая возможность. Хватит жевать эту жвачку...

– Верно, сейчас родственники запросто друг друга мочат. Нервные все стали, – согласился Шавров. – На каждый чих не наздравствуешься. Родные папаши девчонок трахают, не говоря уже об отчихмах. Каждое застолье может кончиться «красивым дубарём», то есть расчленёнкой. От родных, близких, любимых ждут ножа в сердце. Устанешь тут...

– Валюш, иди в дом, – тихо сказал Евгений. – Там картошка сварена, рыбка пожарена. Надо будет – разогреешь. А я побарахтаюсь немного. Кстати, похоронили их, мать с сыном?

– Нет пока, да и хоронить некому. У бабки сестра есть, так она за границей, на Украине, осталась. Приехать не может – денег нет, ноги отказали. Сама – вдова бездетная. И больше – никого. Или за казённый счёт придётся, или Юркины дружки помогут. Он в «общак» платил исправно. Скорее всего, так оно и будет.

– Они все – шулера?

Квинт опасливо тронул ногой холодную воду. Май есть май, даже здесь, на юге.

– В основном, да. Много среди них и гуляк – «гусаров». Сам Кисельчук по бабам свистел, когда был моложе. Из катрана* домой без белки* не возвращался. Но не женился, как у настоящих блатных положено. Мать давно уже перестала для него что-либо значить. Правда, передачи ему носила в изолятор, ездила в лагерь, пока сил хватало и денег...

Шавров зевнул в кулак, с хрустом потянулся. Он тоже прикидывал, не искупаться ли перед сном.

– Кроме шулеров, были карманники. Два звездохвата* числились в его приятелях. Так что, думаю, снимут с нас похоронные заботы... Всё-таки странно, что старуха на такое решилась. Вряд ли Кисельчук именно сейчас мог её чем-то удивить. Но с кем не бывает? Женчик, погружаешься?

Квинт к этому времени успел зайти в воду по колено.

– Погружаюсь. А ты иди, ешь. Зря я, что ли, старался? Там, на кухне, под полотенцем. Две кастрюльки.

– Ладно, иду. Смотри, не утони. – И Валентин проворно собрал одежду с лежака.

– Твоими молитвами, – махнул рукой Евгений и быстро поплыл по зеркальной, тихой воде.

Спустя неделю Евгений Квинт горько пожалел о том, что подробнее не узнал у Валентина, как и что произошло в семействе Кисельчуков. Каким человеком была мать-убийца? Как они жили с сыном в последнее время? И что там, у Шаврова, за свидетель, который может многое рассказать, а потому усиленно охраняется? Как удалось зафиксировать сам момент убийства? Почему тогда он не остановил старуху, дал ей покончить с собой? Наверное, был заинтересован в её молчании.

В тот вечер, нежась в прохладной солёной воде, Квинт продолжал думать над этим делом. Если всё было так, как сказал Шавров, наиболее правдоподобная версия высказана. Если же тот свидетель – лицо заинтересованное, и помог бабушке умереть, тогда картина другая. Может быть, и вешалась-то, испытывая давление с его стороны? А потом он бросился в милицию, сообщил, что в Янтарном на вилле – два трупа.

Тогда, получается. Квинт направил следствие по ложному пути. У него нет всей информации, а без неё работать очень трудно. Да это и не Валькина забота. Пусть они там, в Ростове, сами репу чешут. А нам бы со своими дубарями разобраться. Чего доброго, опять отзовут из отпуска. И точно – как в воду глядел...

Перевернувшись на спину, Квинт покачивался на волнах. Он видел ночное небо, невообразимо далёкие звёзды. Смотрел вверх жадно, облизывая губы, словно хотел запомнить в подробностях этот нетронутый покой, сонную тишину, вытянувшиеся вверх тополя за Валькиной дачей. Ту самую осыпающуюся тропку, что вела к дому от залива. Не верил он в долгое счастье, в уютный покой.

Представлял, как Валька включил свет на кухне, вымыл руки, достал из ящика стола нож и вилку. Потом открыл кастрюльки, вывернул их содержимое на тарелку и сел ужинать. Евгению есть не хотелось. Он жалел, что не может провести здесь всю ночь. Придётся возвращаться в духоту спальни, распахивать окно настежь и укладываться поверх одеяла. Опять придётся до утра ворочаться, вспоминая все эти трупы, мысленно листая папки с делами. И что людям не живётся, когда мир так прекрасен?...

Квинт не ошибся в своих предположениях. Через день из Москвы в Таганрог привёл факс – на имя подполковника Шаврова, для следователя Квинта. В первом послании суть дела Гусевых была изложена очень скупо. Но Евгений Михайлович вспылil не на шутку. Что они в Москве, белены объелись?! Ладно, в Таганроге народ неискушённый, а уж там-то...

То убийство уголовника-сына старухой матерью преподносят, как невиданное и неслышанное преступление. Теперь вот бабка прикончила внука-предпринимателя. Здесь сюжет интереснее. Во-первых, ей это попросту невыгодно. Во-вторых, она заявляет, что процесс убийства видела во сне. А утром оказалось, что внук действительно зарезан.

Приснилось ли что-то подобное перед убийством гражданке Кисельчук, никто никогда не узнает. Разве что медиума можно привлечь, но показания старушки с того света суд не учтёт. Жуя ранний помидор, выращенный женой Шаврова в собственной теплице, Квинт вспоминал вечер у моря. Надо было, конечно, прислушаться к Валькиным словам. Но кабы знать, где упасть... Всех слушать – череп треснет.

А вот теперь, когда нужно сравнить две эти истории, имевшие место под Москвой и под Ростовом, Вальки рядом нет. Он убыл на две недели в Краснодар. А вернуться может и позже – так считает жена Анна. Чёрт побери, Краснодар не так уж далеко, но всё равно съездить туда не получится. Лучше позвонить другу уже из Москвы и попросить поднять дело Кисельчуков. А потом прислать материалы с оказией или с курьером. Никакой открытый текст здесь не пойдёт.

Может быть, Валентин и сам вырвется в Москву. Он у Квинтов жил подолгу – когда надо едала общага. И потом, когда Валька вернулся к себе в Таганрог, никогда не отговаривались дороговизной билетов, нехваткой времени. Всегда встречались, если случалось прибавление в семье. Бывало, что и отпуска проводили вместе. Тогда у Валентина ещё не было этой самой дачи – она только строилась.

Конечно, кредит Вальке придётся отдавать с процентами. А Евгений помочь ему ничем не может – денег и так в обрез. Одни Маринкины репетиторы в копеечку вылетают. Да ещё и взятку нужно давать, иначе срежут на вступительных экзаменах за милую душу, и ничего потом не докажешь. Валька, правда, и не набивался. Уверял, что выкрутится сам, и Анькины родители помогут. Они торгуют на базаре – черешней, абрикосами и персиками.

Кроме того, Валентин собирался загонять свою «восьмёрку», мотоцикл тестя и ещё кучу всякого добра. Семья мечтала о коттедже много лет, и ради достижения цели была готова на любые жертвы. Все разговоры Шавровы вели преимущественно на одну тему: о доме, саде, семенах и удобрениях.

В аэропорту Евгений провожали Анна и Валентин Шавров-младший. Глава семьи накануне позвонил из Краснодара. Он сокрушался, извинялся, но никак не мог отложить мероприятия по задержанию сбытчиков фальшивых долларов. Спасаясь от преследования, они совершили в Таганроге убийство, а вот теперь их заметили в Краснодаре.

Естественно, Евгений не стал напоминать другу про Кисельчуков. Рядом стояли Анна со старшим сыном, да и Краснодаре Валька мог быть не один. Анна обещала передать мужу, чтобы тот, по прибытии, немедленно позвонил Евгению домой. А до тех пор надо вспомнить всё, что говорил Валентин на пляже и сопоставить данные с делом Гусевых.

Итак, московская трагедия произошла в ночь на тринадцатое мая, ростовская – вечером четырнадцатого. В одном случае убийца осталась в живых, в другом – совершила суицид. По своей инициативе или нет, неизвестно. Допустим, что по своей. Если шулера Кисельчука, который всю жизнь трепал матери нервы, было за что убить, то молодого человека Гусева, напротив, нужно было беречь, как зеницу ока. Конечно, его мог прикончить киллер, как это заведено у подобной публики. Но чтобы любящая бабушка?...

Она сразу созналась в содеянном. Уверяет, что не принимала ни алкоголь, ни наркотики. А вот лекарства пила – в тех дозах, что назначил врач. Она постоянно просит объяснить, возможно ли такое в принципе. То и дело просит консультации у психиатра. Каждому новому

человеку докладывает всё, в деталях. А потом требовательно смотрит в глаза, умоляя раскрыть эту тайну.

Честно говорит, что жить без внука не будет. Выберет себе самую страшную смерть, как только представится возможность. Тюремного заключения она боится лишь потому, что в неволе труднее будет осуществить задуманное. А уж в психушке и вовсе руки не наложишь. Там ведь нет дверей, и за больными всё время следят. На окнах решётки, смирительные рубашки, мучения после уколов. Но Вера Фёдоровна готова и на это. Жить для неё сейчас куда труднее, чем умереть. Она готова принять любое наказание, но сначала хочет узнать свой диагноз, находясь в здравом уме и твёрдой памяти. То же самое желал узнать и Евгений Квинт.

В аэропорту следователя должна ждать машина. По желанию, его могли отвезти или домой, или в Управление. Квинт чаще выбирал второе. Вот и сейчас он не мог дожидаться, когда самолёт сядет, и можно будет получить багаж. Прямо с дорожной сумкой он отправится на службу и попросит привести Веру Фёдоровну Гусеву. Евгению не терпелось познакомиться с этой странной женщиной.

Выйдет ли у них полноценный разговор? Или всё сведётся к коротким вопросам-ответам? Совместимость следователя и подследственного невероятно важна. Квинт всегда ставил её на первое место. Если всё будет хорошо, женщина расскажет намного больше, чем могла бы. Нужно к ней внимательнее присмотреться, потому что дело-то может обстоять совсем иначе.

Гусева ведь и наврать способна с три короба. Внука убила сознательно, но не по своей воле. Запугали её, например, или как-то иначе заинтересовали. И велели всё валить на старческий маразм. Правда, на семьдесят первом году жизни рановато впасть в слабоумие. Всякое, конечно, бывает. Может случиться и так, что парня убил кто-то другой, а бабка взяла вину на себя. До встречи с ней судить трудно. Конечно, за деньги она этого делать не будет. А вот если захочет кого-то спасти...

У Веры Гусевой есть сын Александр – отец покойного Сергея. Во втором браке имеет двух дочерей. Может быть, оттуда ноги растут? Раз парень не женат, его имущество наследуют родители. И бабушка решила порадовать своему сыночку... Тьфу, зарепортовался совсем! Да и болтовня соседок над ухом мешает. Надо прекратить думать о Гусевой вплоть до встречи.

А пока заняться другими делами. Обязательно позвонить жене Татьяне – мол, долетел благополучно, но сразу еду на службу. Анне телеграмму послать, чтобы не беспокоилась. Родители на даче. Они не знают, что Евгений сейчас в воздухе. Вот и славно, а то бы за них сердце болело.

Уже видно, что и в Москве жарко, как на юге. Столица сейчас похожа на курортный город – белые дома, пыльные тополя, холмистые, прогретые солнцем пустыри – желтые от одуванчиков. Квинт помассировал пальцами веки, взглянул на табличку «Не курить». Потом на другую – «Пристегните ремни». Глаза щипало от пота, и Евгений пожалел, что уже не может вымыть лицо в туалете. Лайнер шёл на посадку. Через полминуты шасси коснулось бетонки. Следователь Квинт вернулся в Москву. Он понимал, что главные трудности ожидают его именно здесь.

* * *

Убийца сидит перед ним. Блёкло-голубые глаза, морщины на бледном лице, как пенки на молоке. Бескровные губы, прилизанные седые волосы. В ушах – маленькие сапфировые серёжки, но камни оправлены качественным золотом. На Гусевой глухое чёрное платье. Несмотря на жару, ей холодно. Сухие худые ноги – в эластичных чулках. Обута задержанная в старомодные туфли без шнурков – их всё равно отобрали бы.

Веру Фёдоровну шатало, как былинку под ветром. Она с утра ничего не ела, или почти ничего. Но не потому, что объявила голодовку – просто не могла проглотить ни крошки. Сейчас она с изумлением разглядывала полного брюнета в легкомысленной бобочке. Окна кабинета

были забраны шторами салатного цвета. Мелкий, покрытый лаком, паркет, бутылочного цвета палас, солидный двухтумбовый стол – всё это внушало Гусевой невольное уважение.

Кроме того, слева от Квинта, на специальном столике, стоял компьютер. Чуть подальше бесшумно работал маленький холодильник. На подоконнике Вера Фёдоровна заметила кофеварку. Тут же были шкафы со скоросшивателями, в углу – сейф «Айко». Дела Гусевой Квинт ещё не читал – решил ознакомиться вечером. Пока мчался из аэропорта на серебристом «Вольво-850», успел вздремнуть.

Сказались бессонная ночь, перелёт, мысли б уголовных делах, об усталой, почти помешанной дочери Маринке. Она подошла к телефону, еле ворочая языком, и обещала передать матери, что отец вернулся в Москву. Ладно, что родители за городом. Им даже этот, майский зной не в радость. Оба гипертоники, и Евгению то же самое грозит. Особенно если он будет так же много работать, курить по две пачки в день и злоупотреблять крепким кофе.

Да, всё это понимал Квинт. Но в то же время знал, что кофе для него – как бензин для автомобиля. Лиши его возможности эксплуатировать кофеварку – и ни одного важного дела не будет раскрыто. А для непростого разговора с Верой Фёдоровной нужно много, очень много энергии. Надо бы и задержанной чего-нибудь предложить – например, чаю.

Пусть почувствует, что не врагом, не преступницей её здесь считают, а просто невинной жертвой таинственных обстоятельств. Да, она ведь недавно пострадала в ДТП, повредила голову Тем более, имеет право на ошибки. Наверное, попал внук в паскудную историю, и бабушку потащил за собой. Молодой совсем мальчишка. Какой из него коммерческий директор? Вот и нахимичил...

– Вера Фёдоровну, вам кофе или чай? – предложил Евгений.

Гусева вздрогнула, испуганно глядя на него. Значит, в таком тоне здесь со старушкой не разговаривали. Но на то и держат в штате такого специалиста, как Квинт. Базовое образование у него медицинское. Он несколько лет работал психиатром, причём на Канатчиковой даче. Наверное, потому и вызвали его из отпуска. Поверили Гусевой, что она была не в себе в момент в убийства. И решили показать доктору Квинту – под видом допроса.

– У меня есть «Нестле»? Как, будете?

– Что вы! – Гусева слабо отмахнулась. – Меня тошнит. Меня всё время тошнит. Я и воду с трудом глотаю. В чём меня только уже не винули...

– Я не стану вас ни в чём винить, – пообещал Квинт.

За водой он успел сходить раньше, чем доставили задержанную, и кофе уже заварил. Сейчас нужно сделать первый глоток, чтобы прояснилось в голове.

– Я вам пакетик ягодного чая «Липтон» заварю. С чем хотите – с малиной или со смородиной?

– Я не буду. Мне никак...

Гусева закрыла лицо руками и заплакала, отворачиваясь от следователя. Но тот не стал её утешать, а дал облегчить душу. Там он ждал, попивая кофе, когда приступ тоски пройдёт. Вере сделал смородинового чаю. Оказывается, малиновых пакетиков не осталось. Пока он был в отпуске, в шкаф лазали коллеги. Но Евгений не сердился, потому что мог в любой момент перехватить у ребят и кофе, и заварку, и сигарету.

Он расстелил на сервировочном столике скатерть в клетку. Поставил перед Гусевой чашку в бледно-розовых бутонах вместе с таким же блюдцем. Получилось очень красиво, потому что и сахарница принадлежала к тому же сервизу. Для себя он завёл французскую кружку из термостойкого стекла после того, как несколько чашек лопнули от жара.

Вторая такая же кружка была у Антона Ронина. Квинту нравились их вечерние встречи именно в этом кабинете. Бывало, что он приходил к Антону. Они любили беседовать, расслабленно посасывая сигареты и потягивая огненный кофе из кружек. После того, как у одного или другого удачно разрешалась очередная проблема, можно было поделиться с другом.

Не мешало бы и сейчас к Антону забежать, да всё некогда. По приезде, правда, позвонил полковнику Ронину. Незнакомый мужской голос ответил, что тот на операции, и сегодня вряд ли будет. Что ж, того и следовало ожидать. Тошка есть Тошка – ни минуты без дела не посидит. Бойтся форму потерять и стать паркетным офицером. Вполне мог бы вместо себя зама отправить, так нет – сам командует, на месте.

– Раз не поеду, другой, а там и навыки пропадут, – объяснял Ронин Квинту. – При моей врождённой склонности к комфорту тем более нельзя давать себе поблажек...

Ронин и не давал. В любую погоду, включая морозные зимние утра, позже шести не вставал. Зарядка его продолжалась два часа. Нужно было тренировать все группы мышц. Далее следовала пробежка. Шапку Антон вообще никогда не надевал, а спортивный костюм использовал вместе шубы. А так – всё время бегал с голым торсом. Дошло до того, что он вознамерился превратить Квинта во вспомогательное средство для тренировок.

Полковник панически боялся отрастить живот, и потому подвергал свой брюшной пресс колоссальным нагрузкам. Ему ведь почти сорок семь. Как ни крути, а организм стареет. Но Ронин ещё не навоевался с бандитами, а потому часто просил Квинта послужить грузом для мышц живота. Если не прыгать, то хотя бы топтаться на нём. Веса дочери Генриетты уже не хватает для полноценных занятий. А жена Маргарита категорически отказывается калечить любимого человека.

Евгений, правда, сомневался, что невысокая, хоть и пухленькая женщина сможет искалечить Тошку. Но в нём-то – сто двадцать кило, и это – не шутки. Лучше не рисковать.

Ладно, сегодня не смогли встретиться. Потом выберем часок-другой, обсудим наши дела. Пусть формально Квинт не имел права ставить полковника в известность, но, тем не менее, частенько делал это. Он прекрасно знал, что дальше Ронина информация не пойдёт.

Ага, бабушка перестала рыдать. Теперь с ней будет легче общаться. Квинт достал из чашки размокший пакетик, втянул ноздрями пряный аромат, поставил чашку на блюдце и подал Вере Фёдоровне.

– Итак, ещё раз предлагаю чайку. От него тошнота пройдёт.

– Спасибо. – На этот раз Гусева от угощения не отказалась.

Евгений пожалел, что у него нет конфет или печенья. Сам он сладости не любил, но держал на всякий случай – для таких вот допросов. Это помогало залезть человеку в душу, вытянуть из него сокровенное.

– Благодарю вас, – громче произнесла Вера Фёдоровна.

Теперь Евгений заметил, что её волосы были когда-то оттенены шампунем «Ирида» и уложены на бигуди.

– Не за что. – Квинт сел за свой стол, отпил кофе.

Когда он взглянул на Веру, то увидел, что она жадно пьёт из чашки ещё горячий чай, даже не дует на него. Значит, мучилась от жажды – на такой-то жаре. Нет, не похоже на театр, на истерию. Все эти десять дней старушка хотела пить, но не могла. Такой симптом бывает при нервном потрясении. Но раз сейчас она смогла разом выпить всю чашку, дело сдвинулось с мёртвой точки. Психотерапия Квинта начала действовать.

– Вера Фёдоровна, может быть, ещё? Добавочки?

Квинт поспешно допил кофе и всецело занялся задержанной. Гусева кинула, облизывая губы. Евгений Михайлович быстро вскипятит ещё один чайник «Тэфаль», отыскал второй, и последний пакетик с чаем – на сей раз лимонным. Гусева снова набросилась на чашку с такой жадностью, словно все дни, начиная с тринадцатого мая, блуждала по пустыне.

– Вера Фёдоровна, я знаю, что случилось в вашем доме, – начал Квинт, наклонившись к Гусевой.

Та встрепенулась, сжала ручку чашки костлявыми пальцами. Воспалённые, уже сухие глаза с надеждой смотрели на Квинта. Глаза следователя напоминали виноград «Изабелла», мокрый после дождя.

– Я хочу вам верить. И вы мне верьте, ладно? Итак, вы утверждаете, что всё произошло во сне?

Квинт заметил, что Гусеву опять затрясло, но не стал акцентировать на этом внимания. Так можно, за уговорами и чаепитиями, весь день потерять. До вечера нужно закончить с Верой Фёдоровной, а за завтра пригласить её сына – отца погибшего Сергея. Или до, или после, как уж получится по времени, следует выслушать Елену Панову – мать покойного. А потом дать разрешение на захоронение трупа – без права кремации.

Впрочем, всем экспертам и так ясно – единственный, роковой удар ножом нанесла именно Вера Фёдоровна. Вчера, как узнал Квинт, прошёл следственный эксперимент. Он получился скомканным, ненужным, безрезультатным. Гусева помнила всё только по сну, и не уставала подчёркивать это.

Ссылаться на сон следствие не могло. Квинт понимал, что, если сейчас пойти по десятому кругу и начать рассказывать сказку про белого бычка, след преступников остынет. В том, что бабушка была лишь орудием в чьих-то руках, Евгений уже не сомневался.

– Мне интересно, каким был в жизни Серёжа, – тихо сказал Квинт.

Гусева не поверила своим ушам – столько неподдельного сожаления было в голосе беседующего с ней следователя. Он назвал внука не гражданином Гусевым, даже не Сергеем, а Серёжей! Больше ей ничего не было нужно – только вот такое тёплое, живое участие.

– Вы ведь вырастили его, я знаю.

Вера Фёдоровна мгновенно забыла о том, где находится, что произошло с ней и с внуком. Теперь она не боялась будущего, а вся ушла в прошлое. Говорила, говорила без остановки, и рябь морщин оживляла ещё совсем недавно маскообразное лицо. Блестели ровные вставные зубы, а глаза вдруг стали голубыми. Бабушка с внуком были очень похожи – Квинт это заметил. До того времени, как поседела, Вера Фёдоровна, вероятно, была пепельной блондинкой.

Квинт постоянно кивал, слушая. У него даже заболела шея. Пот тёк по лицу, но он не решился достать платок и промокнуть лоб. Гусева могла сбиться, замкнуться, оборвать нить беседы.

Едкие струйки ползли по щекам Квинта. Он включил кондиционер. Вера Фёдоровна уже не дрожала от холода. Маленькие, изящные пуговицы, пришитые попарно, блестели на её платье – под неглубоким каре. Бабушка говорила о внуке взахлёб, очень подробно, и прекрасные её глаза то и дело наливались слезами.

Квинт понимал, чувствовал кожей, что Гусева так до конца и не верит в то, что случилось на мансарде. Повествуя о Сергее, она не забывала ни единой мелочи. Внук носил дорогие часы, ручку «Паркер», сотовый телефон, обувь марки «Монарх». Обожал Бориса Гребенщикова и Джима Моррисона. Часто слушал из записи – особенно перед гибелью. Кроме того, недавно убили его подругу – Галину Васильевну Коробейникову.

В общих чертах, Вера Фёдоровна обрисовала проблемы внука. Квинт слушал очень внимательно, но пока ничего записывал. Можно свериться с предыдущими протоколами – главное сейчас не это. Хорошо, что пока никто не знает о возвращении Квинта из отпуска. Но радоваться рано – через час всё станет известно. Весть разнесётся по этажам. Немедленно загудят оба телефона, а в двери кабинета примутся стучать – кто тихо, кто громко.

У следователей кончаются мыслимые и немыслимые сроки, дела стоят, а прокуроры и прочее начальство требуют результатов. Факты собраны, свидетели, подозреваемые и прочие причастные допрошены. А вот вывод никак не сделать, целостной картины не составить. Евгений Михайлович много раз зарекался не выполнять чужую работу. Но точно так же, как его

друг Ронин, не мог отказать. Весь делали общее дело. Если Квинт поможет «закрыть» лишнего злодея, то рад будет не только спасённый от взыскания коллега.

– Галина Васильевна Коробейникова? – переспросил Квинт.

Гусева с готовностью кивнула. Нужно проверить, что за штучка, хоть её уже нет в живых.

– Вы считаете, что её ликвидировали по причине конфликта с той фирмой, что снимала у магазина помещения? Или Сергей предполагал, что могут быть другие варианты? Вы говорили с ним на эту тему?

– Серёжа терялся в догадках. Могло ведь случиться и так, и этак. Они с Галей договорились – в дела друг друга не лезть, если кто-то специально не попросит помощи...

Вера Фёдоровна говорила теперь чётко, отдельно, как строгая учительница.

– Когда Галина попала в затруднительное положение, и фирма перестала платить за аренду помещения, отказалась выполнять условия договора, потребовалась Серёжина поддержка.

– Внук не упоминал о каких-либо угрозах в связи с тяжбой относительно выплат по договору?

Квинт убрал посуду, взял из стакана гелевую чёрную ручку и принялся писать протокол. Гусева, слегка задышавшись, теребила пальцами жилистое горло, пытаясь восстановить в памяти каждое слово Сергея. Солнце ушло с той стороны, куда смотрели окна кабинета, и стало чуть легче.

– Один раз предупредил, что у него могут быть огромные неприятности. Я должна быть готова. – Вера Фёдоровна разглаживала платье на коленях.

В глаза следователя она сейчас не смотрела. Но Квинт знал – задержанная говорит правду. Он умел улавливать интонации голоса, различать оттенки речи, наблюдать не только за взглядом, но и за поведением человека в целом. Так было даже лучше.

– Знакомый Сергея, который служил в Афганистане, убил двух человек с той стороны. Это были сожитель директрисы задолжавшего магазина и его приятель-бандит. Серёжа понял, что ему будут мстить, понимаете? Он боялся, что дело кончится арестом. «Афганца»-то забрали в изолятор, а Серёжу посадили под подписку о невыезде. О, господи! – Гусева снова разрыдалась. – Я так боялась, а сделать ничего не могла... Старая, больная, связей никаких. Подруги давно на пенсии. Да и какой от них прок? В милицию не обратись – сам вроде как преступник. К бандитам не пойдёшь – их человека твой приятель убил. И Галю застрелили... Серёжа вовсе сон потерял. Знал, что будет следующим. Курил много, кофе пил. Не спал несколько ночей подряд...

Гусева жалко улыбнулась, но губы её дрожали.

– А именно тогда, когда всё случилось, спал, как сурок! Нет бы меня за руку схватить, дуру сумасшедшую! Он бы со мной двумя пальцами справился. Достаточно было окликнуть, и я бы проснулась. Вот как бывает, если судьба! – Гусева помотала головой. – Не могу больше говорить – так всё ужасно...

– Вера Фёдоровна, давайте закончим. Я сам сочувствую и всё понимаю. Но я поставлен государством на эту должность, чтобы разбираться, а не просто утешать. Вникните и в моё положение тоже. Постарайтесь вспомнить, не называл ли внук группировку, к которой принадлежал убитый бандит.

Гусева его разочаровала:

– Ой, что вы! Я в таких делах полный профан. И внука просила ни о чём криминальном при мне не говорить. Я так боялась всегда этих вещей! Да и он и сам бы не стал.

Вера Фёдоровна испугалась, думая, что её хотят уличить в связях с «братками». Квинту же и в голову такое не приходило.

– Внук сказал, что попал в пиковое положение. И потому может погибнуть. А вы не встречались с такими случаями? Наверное, как опытный юрист, много чего повидали!

Взгляд Гусевой теперь бы настырным, даже злым.

– Чего именно? – не понял Квинт.

– Вам не попадались лунатики-убийцы? Когда человек убивает своего родственника, сам того не желая, находясь в сонном состоянии? Я искренна, как перед Богом! Не хотела убивать Серёжу, и вообще не способна на это. У нас и в роду никто никого не убивал. И Серёжка добрым был, только притворялся суровым. Мальчики боятся показать свою слабость...

Вера Фёдоровна опять с мольбой посмотрела на Квинта.

– Но вы – не лунатик. Нигде этот диагноз не зафиксирован.

– Не зафиксирован. Но это не знает, что я здорова!

Гусева тараторила, размахивая руками, тяжело, часто дыша. Квинт про себя решил, что скоро придётся вызывать врача. У задержанной гипертонический криз, нужно срочно снижать давление. А у него ни таблеток, ни ампул под рукой.

– У меня была черепно-мозговая травма. Меня зимой сбила машина. Я говорила предыдущему следователю, Юрия Степановичу... Он записал эти показания, но внимания, похоже, не обратил. Меня часто обследовали, снимали энцефалограмму. Евгений Михайлович, болезнь могла дремать. А после травмы внезапно обостриться...

– Появились характерные признаки? – вскинулся Квинт. – Отмечались случаи снохождения? Приходили в голову странные мысли, в том числе и насчёт внука? Не обязательно об убийстве. Сергей мог вас раздражать – по самым разным причинам. Впутался в тёмную историю, связался с не симпатичной вам женщиной, ещё что-то натворил... У вас были конфликты с внуком? Обратите внимание на размолвки, произошедшие в последнее время.

– У нас не было размолвок, – твёрдо ответила Гусева. – Я не считала себя вправе воспитывать взрослого мужчину. Хотя Галина, не тем будь помянута, действительно восторга не вызывала. Но Серёжа имел право встречаться с той женщиной, с которой хотел. Он не потерпел бы вмешательства посторонних – пусть даже родной бабушки. Я и сыну не указывала, на ком ему жениться, с кем спать. Пусть их промахи на их совести и остаются. Серёжины неприятности в бизнесе вызывали у меня скорее сочувствие, чем злость. Толкнуть падающего и чужие могут – это не фокус. А вот родные, наоборот, должны жалеть человека, укреплять его силы, здоровье. Утешать, вселять надежду на лучшее. Ведь правда? У Сергея было достаточно конкурентов, да и просто врагов для того, чтобы позлорадствовать. И я им здесь – не помощница. Юноша и так переживает. Для чего травить ему душу? Я ни в чём Сергея не упрекала, даже мысленно. Скорее, я винила его непутёвых родителей, включая и себя. Ведь такого отца, каким оказался Александр, я сама воспитала...

– Назовите имена тех, кто, по-вашему, желал зла Сергею. Хотя бы одного. Гарантирую полную конфиденциальность.

Квинт решил, вернувшись домой, ещё раз проштудировать литературу по сомнамбулизму.

– Он не называл имён. Просто говорил, что есть враги...

Квинт и тут ей поверил. Вряд ли парень будет делиться с бабкой проблемами такого характера, да ещё называть имена.

– Мы были очень дружны с внуком! – горячо заверила Гусева. – Теперь, когда он погиб от моей руки, в это трудно поверить. Я отвечу на любой ваш вопрос, костями лягу здесь, чтобы помочь вам разобраться. Вероятно, мне нужно пройти тщательное медицинское обследование. Ведь я сама ничего не понимаю! Существует такой прибор, как детектор лжи. Проверьте меня, пожалуйста! Вы поймёте, что я действительно не хотела... Что я... Простите!

И Вера Фёдоровна снова разрыдалась.

Квинт внимательно смотрел на Гусеву. А сам вспоминал, как они с Шавровым мчались на моторке к Белосарайской косе. Евгений жалел, что рядом нет дочери Марины. Хоть бы отдох-

нула чуточку, проветрилась, пока ещё не очень жарко. Купаться, конечно, девчонке нельзя. С декабря по март залив замерзает, и Маринка может серьёзно заболеть.

Валентин возил друга и к устью Дона. В дорожной сумке лежит много полароидных снимков. Когда Квинты соберутся всей семьёй, внимательно рассмотрят фотографии. Мать с отцом повздыхают – их времена ушли, ничего нового не увидишь. А вот жена с дочерью, конечно, захотят и сами туда съездить. Хоть отпуск и закончился до срока, но он получился. Удалось поплавать, немного сбросить вес. Залив, как бассейн с солёной водой. Глубина всего пять метров, а волны небольшие. Жаль только, что около Валькиной дачи уровень воды низкий. Идешь-идешь – и всё по колено.

На сегодня с Гусевой надо заканчивать. Всё равно ничего нового не скажет. Будет только слёзы лить, а ты успокаивай. Кто знает, может, бабка и лунатик. Всякое бывает...

– Вера Фёдоровна, а почему вы решили, что у вас после травмы развился сомнамбулизм? Вас раньше никто не заставлял ночью в коридоре, на улице, на лестнице? Может, это какое-то другое психическое расстройство?

– Потому что в ту ночь светила полная луна. – Гусева таинственно округлила глаза. – Она вошла вечером, из-за лесочка. Какое-то время я наблюдала за тем, как луна плыла по ясному небу. Это заметно даже невооружённым глазом. Вещи в моей спальне отбрасывали резкие тени. Я ощущала неведомую опасность. Но не думала, откуда она придёт. Казалось, что кто-то хочет проникнуть в сад с дороги. Когда ветерок шевелил занавеску, я сжималась под одеялом от ужаса. Вы помните Булгакова? Вот так же луна утопила меня в своём сиянии. А потом я решила, что это повлияло на психику...

– Может быть и такое. Небесные светила – вещь далеко не до конца изученная. – Квинт пролистал календарь. – Полнолуние было пятнадцатого мая, в ноль часов сорок девять минут. Но это если уж быть совсем точным. – Евгений усмехнулся. – Вы, случайно, не Рак по гороскопу? Говорят, на них сильно влияет Луна.

– Разве нет данных в деле? – удивилась Гусева. – Я – Дева. Как теперь представляюсь, старая Дева. В семье боялись, что я не выйду замуж. Всё училась, была отличницей. В ВУЗ поступила сразу же. И мальчик у меня был всего один, за которого потом я вышла. Мы вместе на заводе работали во время войны. Однажды пошли на каток, и я неловко упала, вывихнула руку. Друг повёл меня к врачу. С того дня мы уже знали, что будем вместе. Через четыре месяца, шестого мая, мы поженились. Через год и четыре дня родился Алик. Я так ждала, когда он вырастет!..

Гусева как будто забыла, что не свободна, и сейчас её уведут. Квинт всё ждал, когда бабушка-убийца попросит отпустить её под подписку о невыезде. Она ведь ничем помешать следствию уже не может, да и не хочет. Возможно, Вера боялась оказаться в привычной обстановке, где всё будет напоминать о внуке.

– Другие родители любят, когда дети крохотные, несмышлёные. Говорят «агушеньки», тянуться к мамочке. Их не интересует личность ребёнка – лишь бы слушался. А я хотела знать, каким будет мой Алик, когда вырастет. Время ползло долго. Должно быть, во мне действительно что-то есть от старой девы. Не люблю маленьких детей – мне лень с ними возиться. Ненавижу стирать пелёнки, варить кашу, не спать ночами. Люблю гулять с детьми, да и то когда они уже разговаривают, вопросы разные задают. А я отвечаю. Многих раздражают «почемучки», а я счастлива. Вижу, что ребёнок начинает познавать мир. Помню, как Серёжа... Ой, не буду, не хочу!.. Нет, всё-таки скажу. Прозрачный осенний день в Сокольниках. Внук бегает, собирает опавшие листья. Целую охапку прижимает к животу. Тащит ко мне, по лужам, смеётся. Зубки ещё молочные – не выпали. Тогда я уже знала, что его родители разводятся. И приняла окончательное решение – не отдавать мальчонку ни в ту, ни в другую семью. Они ведь после-то одумались. Бывшая невестка хотела ребёнка забрать. Потом и Алик с тем же пришёл. Я их прогнала.

Гусева села на стул, проглотила комок. Горло её жалобно дёрнулось.

– Не знаю, как теперь в глаза им гляну. Они обвинят меня, особенно Елена. Никогда не простит, что ребёнка себе забрала. Будет кричать, что я не сберегла его. А я не смогу ничего ей ответить. Ведь это – правда. Помогите мне! Я вижу, что не безразлична вам. Вон, у вас дорожная сумка в углу стоит. Вы даже домой не заехали – сразу меня вызвали. На самолёте прилетели, издалека. Бирка на ручке сумки. С юга, верно ведь? Вы очень загорели. Наверное, раньше времени вернулись в Москву. Равнодушные люди так не поступают...

– Вам бы у нас работать, Вера Фёдоровна! – рассмеялся Квинт. – Всё так и есть. Но это – не благодеяние, а моя работа. Я знал, на что шёл, и потому обойдёмся без высоких слов. А помочь вам я постараюсь. Редчайший случай. Мне самому интересно, как это могло произойти. В тот день вам делали уколы? – Квинт задумчиво кусал китайский карандаш.

– Да, мне часто делали уколы. А что вводили, можно узнать по медкарте. Я не имею образования, и потому не вникаю. – Гусева вдруг замкнулась, прикусила губу: – Думаете, вместо одного препарата мне ввели другой? И я сошла с ума? Может быть и так. Наверное, может...

– Я просто спрашиваю. Делать выводы пока остерегусь. Слишком всё сложно в вашем случае. Уточнить, конечно, нужно. – Квинт отбросил карандаш. – И ещё один вопрос? Эхоэнцефалограмму вам снимали? Это – исследование структур мозга с помощью ультразвука.

Евгений не очень-то выпячивал своё медицинское образование. Он старался выглядеть менее осведомлённым по этой части, чем был на самом деле.

– Да, конечно, – кивнула Гусева.

– И уже не в первый раз?

– Да, конечно, не в первый. В документах должно быть всё зафиксировано, в том числе и результаты последнего обследования. Мне сказали, что никаких последствий этой травмы, и за здоровье я могу быть спокойна. А что гипертония, так чего я хочу в семьдесят лет? Жаркая погода установилась сразу после холодной. Перепады температуры воздуха, атмосферные процессы. И ещё эти треволнения из-за Сергея... – Гусева вздохнула. – Я думала, что здорова, по крайней мере, психически. Значит, не опасна для окружающих. А оказалось...

– Не надо так, успокойтесь. Вас ещё раз тщательно обследуют.

Квинт видел, что Гусева устала. Да и ему не мешало бы поехать домой. Он примет душ, поспит часов до четырёх утра. А потом, на свежую голову, всё обдумает. Веру Фёдоровну обязательно нужно поместить в больницу. Не только для обследования, но и для лечения тоже. Она может сделать с собой самое страшное, если останется наедине со своими мыслями, воспоминаниями, с непрощаемой виной.

До утра Гусева подождёт, а потом можно оформить госпитализацию. Пусть она лежит в клинике, а не сидит в изоляторе. Врачи справедливо будут опасаться принимать такую больную. Без психиатрической помощи не обойтись. Следить за ней нужно, смотреть в оба. Кроме суицида, она может снова стать агрессивной – во сне. Пока ведь никто не знает, какой именно болезнью страдает задержанная.

Евгений Михайлович не представлял пока, какую статью надо вменить. Ясно, что убийство налицо. Но вот какое именно? Умышленное, неумышленное, по неосторожности? Если Гусеву признают невменяемой, или вменяемой частично, надо и это учитывать. Конечно, тогда она отвечать за убийство не будет. Запрут человека в дурдом – тоже не сахар.

Пока Квинт ничего подозрительного не находил в показаниях Гусевой. Их семейные дела, проблемы Сергея вопросов не вызывали. Из-за связи с Галиной Коробейниковой парню пришлось сначала изрядно поволноваться, а потом и погибнуть. Если убита любовница, Сергей тоже мог попасть под раздачу. То, что он усилил охрану, лишь раззадорило врагов.

И всё-таки Квинту казалось, что Гусева что-то скрывает – возможно, не специально. Она просто не понимает, какие детали здесь главные, а какие – второстепенные. Действительно ли

у неё полностью помутился рассудок в ночь на тринадцатое мая? Беспокойство за внука довело пожилую даму до срыва, или были иные причины? Жаль, что у нас не США, где по любому поводу используют детектор лжи. В Москве устроить проверку на полиграфе куда труднее.

Но следователь обязан прибегнуть к ней – тем более что Гусева просит об этом сама. Может статья, у неё развился синдром контрастной навязчивости. Вот тогда она вполне могла так поступить. Гусева обожала внука, боялась причинить ему даже малейший вред. Но внезапно, из-за высокого давления и лунного света, потеряла контроль над собой. Организм не выдержал постоянного ожидания развязки. Бабушка решила сама разом со всем покончить, впала в беспамятство и убила?...

Не хотела, чтобы Серёжу уничтожили другие, и предпочла во сне прервать его страдания? Парень не ждал от бабки удара ножом, безмятежно спал, толком ничего не почувствовал. Недавно, в апреле, Евгений Михайлович расследовал похожий случай. Там даже и этих вопросов не возникало. Женщина убила мужа и сыновей, а после повесилась сама.

Её успели спасти и откачали в «Склифе», взяли под стражу. На допросе она призналась, что не хотела больше жить. Но оставить любимых людей в горе не могла. Потому и расправилась со спящими мальчишками, перерезала горло мужу и соорудила себе петлю. Но зря старались врачи. Дама удавилась в камере на собственных колготках. Квинт так и не успел задать её самые важные вопросы, над которыми думал целую ночь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.